

Воин Заката

Эрик Ластбадер

Дай-сан

Ластбадер Э. в.

Дай-сан / Э. в. Ластбадер — — (Воин Заката)

Давно закончились колдовские войны, и магия ушла из мира. Но легенда гласит, что где – то есть край, над которым светит опаловая луна, и там открывается око времени, проникнув в которое человек – если выживает – станет властелином прошлого и грядущего. Так случилось, что Мойши Аннай – Нину, моряку и страннику, выпало отправиться в этот край вместе с дочерью своего друга Чиизаи, чтобы либо спасти мир, либо погибнуть...

Содержание

Часть первая	5
ПАРУСА	5
СЕРДЦЕ ИЗ КАМНЯ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эрик ЛАСТБАДЕР ДАЙ-САН

Маленькому мальчику, который жил в конце улицы – добро пожаловать домой.

*В жизни, как в театре, человек носит маску. За маской – миф. За мифом – образ Бога.
Буджунская пословица*

Часть первая КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

ПАРУСА

Ронин.

Имя мерцало у него в мозгу, словно благоухающий драгоценный камень. Остров. Оазис в бурном, сверкающем потоке. Жизнь в подвижной пустоте, где не должно быть иного присутствия.

Ронин.

Нежное и чувственное; сумеречное, одушевленное смыслом, который больше, чем трепет слова, произнесенного вслух. Алые буквы, огненное клеймо, выжженное на небосводе его рассудка.

Ронин сел, всмотрелся в темноту. Он, кажется, задремал. Его убаюкало поскрипывание корабельных снастей. Негромкие вздохи бескрайнего моря. Медный фонарь покачивался на цепи. Сверху донесся приглушенный звук – били склянки.

Сумрак неувовимо смягчился.

– Моэру?

Да.

Он встал на ноги, обшарил глазами небольшую каюту. Потом изумленное:

Но ты не можешь говорить. Это сон.

Я позвала тебя из сна.

Он медленно повернулся кругом. Койки в наклонной переборке, узкие полки, миска с водой, фосфоресцирующее сияние океана в иллюминаторе, отсвечивающее на медном компасе. Плеск пенящейся воды.

– Где ты?

Здесь.

Он шагнул к закрытой двери. Тусклый свет мерцающей ночи играл на мышцах его обнаженной спины.

У тебя в мозгу.

Он распахнул дверь.

– Кто ты?

Я... я не знаю.

Он по-кошачьи бесшумно двинулся вниз по трапу к ее каюте.

Когда Ронин вышел на палубу, была уже середина вахты часа стрекозы. Он поднялся по кормовому трапу на высокий полуют и встал на корме у леера. Предрассветный бриз раздувал его темно-зеленый плащ, хлеставший его по ногам. В вышине потрескивали белые полотнища парусов, слабо светившиеся в нарождающемся зареве нового дня; тихонько поскрипывал корпус мчащегося на восток корабля. Ночь за кормой отступала, словно страшась восходящего солнца. Темнела кильватерная струя.

У люка в носовой кубрик уже наблюдалось какое-то шевеление, но Ронин не обратил на него внимания. Он не отрываясь глядел на море, созерцая бескрайнюю ширь, по которой скользил их корабль.

– Он опять там торчит, – послышался голос сзади.

– М-м?

– Доброе утро, капитан.

К нему приблизилась высокая мускулистая фигура. Сверкнули темно-карие глаза.

Ронин оторвал взгляд от перекатывающихся волн.

– Вы все, штурманы, такие, Мойши? Ни сна, ни покоя и вечно настороже?

Широкие толстые губы раздвинулись в ослепительной белозубой улыбке, сверкнувшей на смуглом лице, заросшем черной бородой.

– Ха! Таких, как я, больше нет, капитан.

– То есть таких безрассудных? Надо действительно быть дураком, чтобы отправиться в воды, не отмеченные на карте.

Не перестав улыбаться, Мойши развернул листок рисовой бумаги.

– Боннедюк дал мне эту карту, когда нанял меня, капитан.

– В вашем журнале есть подробные записи обо всех местах, куда вы заплывали. Но там не упоминается Ама-но-мори.

Заложив ладони за широкий кушак, Мойши устался на свои высокие блестящие сапоги.

– Этот Боннедюк – ваш друг, капитан, если не ошибаюсь? – Он кивнул, сам подтверждая свои слова. – С чего бы ему вам лгать? На этой карте указан остров под названием Ама-но-мори, к которому... – тут он сделал какой-то знак, быстро прочертив рукой поперек груди, – ...по воле Оруборуса мы и плывем.

Он поднял взгляд.

– Я исходил столько морей, капитан; я видел столько диковинного, что теперь, когда я рассказываю об этом, сидя полупьяным у теплого очага в таверне в каком-нибудь захолустном порту, все присутствующие хохочут и нахваливают меня за богатое воображение. Поверьте, капитан...

Сверху послышался приглушенный крик; впередсмотрящие сменялись с вахты. Ванты закачались под весом матросов.

– Эй, капитан, видите там? – Мойши показал вперед, на розовый краешек солнца, выполняющего из-за ровного горизонта. По поверхности моря поплыли розовые полумесяцы отражения. – Пока солнце встает, я уверен, что все в порядке.

Он издал странный лающий звук, который, как Ронин уже знал, означал, что штурман смеется.

– Позвольте мне вам кое-что рассказать о Мойши Аннай-Нине, потому что вы мне нравитесь. – Он умолк на мгновение и почесал длинный нос. – Как только вы ступили на борт корабля, я сразу понял, что никакой вы не капитан. Да, море вы любите, очень любите, но времени в плаваниях провели совсем мало, верно?

Он тряхнул головой.

– Но в этом, как вы понимаете, нет ничего постыдного. Вы – настоящий мужчина, это я тоже понял с первого взгляда, а теперь, шестьдесят шесть дней спустя, убедился, что я был прав.

Восходящее солнце разметало искрящийся свет по океанской шире, придав воде ослепительную иллюзорную твердость. Топсели загорелись слепящим светом. Ронин прищурился.

– Сейчас большинство штурманов хотят одного: денег. Для них неважно, куда они пойдут, кто их хозяева... для них имеет значение лишь ценность груза. Поскольку чем груз дороже, тем больше денежек им отвалит по прибытии в порт. – Мойши хлопнул себя по широкой груди. – Но я не такой. Нет, я не стану врать и убеждать вас в том, что звон серебра мне противен. Скорее наоборот.

Снова мелькнула широкая улыбка, казавшаяся белоснежным пятном на фоне темного гранита.

– Но я живу для того, чтобы пополнять мой журнал новыми фактами, а без новых земель их, естественно, не прибавится. Честно скажу, капитан: когда Боннедюк показал мне эту карту, я и думать забыл про груз «Киоку». «Пусть о грузе думает капитан, кто бы он ни был», – сказал я себе. Отплыть на быстроходной шхуне к неизвестному острову, воплотить миф в реальность – такой шанс выпадает раз в жизни!

Свободная рубашка Мойши трепыхалась на усиливающемся ветру, перекатываясь волнами по широкой груди. Он положил руку на рукоять массивного палаша в потрепанных кожаных ножнах, висевших у него на правом бедре. Из-за кушака у него торчали медные рукояти двух кинжалов. Он повернул голову к восходящему солнцу. Крохотный бриллиантик в проколоте правой ноздре сверкнул на свету.

– Этот убогий знает, о чем говорит, капитан. Насколько я понимаю, карта, которую он мне вручил, – не подделка. В этом я разбираюсь. В юности мне продавали немало фальшивок. В общем, мне повезло. Не каждому выдается случай доставить красотку, как ваша «Киоку», к земле, давно позабытой миром.

– Значит, вы думаете, что Ама-но-мори все-таки существует.

– Да, капитан, я так думаю. – Пристальный взгляд глубоко посаженных глаз скользнул по лицу Ронина. – А вы разве сами еще не чувствуете...

Мойши стукнул себя по груди.

– ...вот здесь?

Бесцветные глаза Ронина оторвались наконец от перекатывающихся волн, и он принялся изучать лицо штурмана – смуглое, угловатое, с длинным носом и затененными, глубоко посаженными глазами. В этом лице чувствовалась некая скрытая сила, ассоциирующаяся у Ронина с утесом под порывами бури, избитым, но не сломленным.

Ронин кивнул и медленно проговорил:

– Конечно, дружище, вы правы. Но и вы тоже должны понять. Я очень долго искал этот остров. Эти поиски перевернули всю мою жизнь и направили ее по пути, совершенно для меня непонятному. Что-то во мне изменилось. Теперь мне уже страшно подумать о том, что когда-нибудь все это закончится.

Суровый взгляд Мойши смягчился, и он на мгновение сжал Ронину плечо.

– Это правда, капитан. Так бывает. Ты слишком долго живешь, поглощенный какой-то мыслью, и в конце концов мысль как бы сама обретает реальность и подчиняет тебя целиком. Остерегайтесь этого.

Ронин улыбнулся, потом поднял голову. Какое-то время они молчали.

– Что вы сказали, когда подошли ко мне?

Штурман отвернулся и сплюнул за борт.

– Ваш первый помощник все время торчит на носу.

– А это неправильно?

– Помощники редко выходят на нос, капитан, Разве что если надо кого-то позвать или навести порядок. Место помощника – на корме.

– Тогда что он делает впереди?

Мойши пожал массивными плечами.

– У каждого, кто выходит в море, есть на это своя причина. Все они – неудачники, капитан, вот почему они и избегают земли. На борту корабля никто не задает лишних вопросов. А что касается первого помощника...

Он снова пожал плечами.

– Наверное, ему есть чего избегать.

– Так вы не знаете людей в команде?

– Штурману редко приходится дважды встречаться с одним и тем же моряком. Команды собираются из людей со всех концов континента человека. Ничего страшного в этом нет, но меня мало интересует, с кем мне приходится плыть.

Он скрестил руки на груди.

– Здесь я знаю только одного Мойши Аннай-Нина. И он – клянусь Оруборусом – единственный человек на борту, чья личность мне интересна.

Его губы скривились в усмешке.

– Не считая вас, капитан.

– Я приму это как комплимент.

– Почему бы и нет, – сухо ответил штурман и отошел.

Ронин опять посмотрел вперед, прикрыв ладонью глаза. Солнце уже взошло. Его приплюснутый диск застыл в ослепительно белом небе, словно зажженный фонарь из рисовой бумаги. Стрелы света отлетали бликами, отражаясь от движущихся гребней волн, а выемки между волнами оставались темно-синими. Матросы вдоль правого борта принялись закидывать удочки, чтобы наловить рыбы на завтрак. От просмоленной палубы, прогретой солнцем, поднимались разнообразные запахи: резкая, горькая вонь от рыбьих потрохов, пряный запах слежавшейся соли, аромат теплого дегтя и смолы, кислый запах застаревшего пота.

Послышался хриплый крик, и несколько матросов бросили свои снасти, чтобы помочь товарищу, у которого клюнуло что-то явно большое, поскольку его едва не снесло за борт. Все вместе они потянули бечевку, ритмично напевая, чтобы двигаться в лад. Под загорелой кожей ходили мышцы. Обнаженные спины лоснились от пота.

Над правым бортом мелькнуло извивающееся серо-коричневое щупальце, а потом на палубу плюхнулась здоровенная – в два человеческих роста – бесформенная куча. Матросы, разобравшиеся наконец, что они вытянули на борт, поспешно отступили от извивающейся туши. Один из них окликнул Мойши. Он оторвался от карты и подошел к ним. После короткого спора он протолкнулся через плотное кольцо моряков и вытащив палаш, рубанул существо со всей силой. Хлынула темно-зеленая кровь. Возле его сапог дернулось щупальце. Кто-то подал штурману тряпку, и он вытер клинок, прежде чем вложить его в ножны. Осторожно и, кажется, с отвращением матросы спихнули тушу за борт, после чего с видимой неохотой вернулись к своим снастям, негромко переговариваясь между собой.

Ронин перегнулся через ограждение полуюта.

– Что это было, Мойши?

Тот бросил на него быстрый взгляд.

– Рыба-дьявол, капитан, – сказал он. – Ничего особенного. Ничего.

– И все же?

– Матросы ее не любят.

Он вернулся к своим картам.

Впереди, на носу, Ронин разглядел худощавую фигуру первого помощника – черный силуэт на фоне низкого солнца. Его изуродованное лицо скрывала милосердная тень. Ронин

видел его только издали, как и большинство членов команды, но он знал, что у этого человека нет нижней челюсти, а щеки покрыты глубокими шрамами. Говорили, что он потерпел кораблекрушение в водах, буквально кишевших акулами. А когда его вытащили... Чудо, что он вообще остался жив...

Пожав плечами, Ронин отвернулся. Если первый помощник предпочитает одиночество и проводит все дни на носу, он ничего не имеет против. Этот человек делает свое дело, а на море, как сказал Мойши, лишних вопросов не задают.

Теперь мысли его обратились к Моэру. Кто она? Он прообщался с ней почти полвахты, но по-прежнему не знал о ней ничего, потому что она и сама ничего не знала.

Он подобрал ее на улицах Шаангсея, голодную и больную, и спас ее, движимый порывом, инстинктом – чем угодно. Но факт остается фактом: с того самого мгновения их судьбы соединились. Она стала хранительницей странного корня, который – по словам аптекаря, предыдущего его хранителя, – много тысячелетий тому назад послужил главной причиной для создания Дольмена. Того самого корня, который Ронин съел в сосновом лесу к северу от желтой крепости Камадо, после чего воссоединился с Боннедюком Последним и его спутником, удивительным зверем по имени Хинд.

Она последовала за ним на север от Шаангсея в погоне за Макконом, к Камадо, в лес Черного Оленя Тьмы. Она дожидалась его терпеливо, таинственно, ехала с ним через пылающий континент человека, в порт Хийян, в то время как у высоких стен Камадо бушевала битва – Кай-фен, последняя битва человечества, Немая Моэру, которая не могла говорить, но тем не менее могла складывать мысли-слова у него в голове, была явно не из Шаангсея или его окрестностей. В ее чертах не было ничего характерного для тех мест. И хотя Ронин нашел ее среди беженцев, спасавшихся от боев на севере и стекавшихся толпами в Шаангсей, она едва ли была крестьянкой, судя по нежным рукам, не привыкшим к тяжелой и грязной работе.

Моэру ничего не могла рассказать ему, потому что она потеряла память – от удара ли, от потрясения или от чего-то еще, чего Ронин не знал и узнать не мог. Она помнила только Тенчо, Кири, Мацу... и Ронина. Кто она такая, откуда она появилась, пока оставалось тайной. Но теперь, когда «Киоку» пересекала океанскую ширь в поисках острова легендарных буджунов, когда их долгие странствия близились к концу, пришло время раскрыть загадку прошлого Моэру.

А еще Ронин хотел узнать о судьбе тех, кто остался запертым в каменной цитадели Камадо: сдерживают ли люди усиливающийся натиск орд Дольмена, в которых помимо обычных людей выступали и нелюди, жуткие странные существа. Вернулась ли в крепость Кири, выполнив свою миссию в Шаангсее, где она собиралась примирить враждующих зеленых и красных и объединить их силы для последней битвы? Но самое важное: собрались ли на континенте людей все четыре Маккона? Он знал, что двое уже были вместе. Когда же сойдутся все четверо, они опять призовут Дольмена в мир людей. И тогда Камадо наверняка падет.

Бронзовый колокол возвестил середину вахты, и Ронину принесли завтрак: полоски сырой белой рыбы, очищенной и промытой, и порцию сушеных водорослей.

Повернувшись на звук, Ронин увидел Моэру. Она поднималась на полую по кормовому трапу. На ней были темно-синие шелковые шаровары и стеганный жакет темно-зеленого цвета с вышитыми на нем изображениями прыгающих рыбок. Освещенная утренним солнцем, она подошла к Ронину, и он в который уже раз восхитился ее безупречной красотой. Высокие скулы, довольно острый подбородок, большие миндалевидные голубовато-зеленые глаза оттенка далекого тихого моря. Длинные черные волосы струились искрящейся вуалью на солончатом ветру. Она выглядела бодрой и отдохнувшей. Сейчас она несколько не напоминала ту изможденную, грязную женщину, которую он подобрал на изрытой колеями улице Шаангсея. Когда она подошла вплотную, Ронин увидел, что она надела цепочку с медальоном-цветком – как же он называется, этот цветок? – которую он подарил ей прошлой ночью. Изделие

буджунов, снятое им с человека, умирающего в мрачном шаангсейском переулке. Потом эта цепочка едва не стоила ему жизни при столкновении с зелеными у ворот города за стенами. Ронин почему-то обрадовался тому, что она надела эту вещицу – его подарок.

– Есть хочешь?

Да, — прозвучало у него в мозгу, и он невольно вздрогнул.

Ронин окликнул матроса, который принес для нее тарелку с едой. Некоторое время он смотрел, как она ест.

– Скажи еще раз, что случилось, – вдруг сказал он.

Она подняла золотистое лицо; в глаза ей попало солнце, и они стали белыми, а потом почернели, попав в тень от волос.

Когда я позвала тебя ночью.

– А раньше ты не могла.

Ронин и сам не понял, был это вопрос или нет. Она убрала двумя пальцами прядь волос, упавших на глаза, а он подумал: Мацу... Дикий, тревожный крик в ночи.

Взгляд Моэру на мгновение сделался непроницаемым и пустым. Потом она моргнула, словно пытаясь уловить какую-то случайно промелькнувшую мысль. Она твердо стояла на палубе, не обращая внимания на качку.

Что ты сказал?

– Раньше ты не могла.

Нет. Иначе я позвала бы тебя скорее. Наверняка. — Да, наверное.

Отвернувшись от нее, он выбросил остатки пищи за борт и вперил взгляд в переливающуюся загадочную поверхность воды.

Моэру опять принялась за еду, с опаской поглядывая на Ронина.

Ветер крепчал. Боцман отдал матросам приказ лезть на ванты и полностью разворачивать паруса. Солнце скрылось за облаком, и сразу заметно похолодало. Потом белый круг появился опять, и снова стало тепло. Тени от пробегающих по небу облаков скользили по морю размытыми пятнами.

Если ты сейчас думаешь... не беспокойся, я не могу читать твои мысли.

– Но я вовсе не...

Нет. Конечно, нет.

Она доела последний кусочек рыбы.

– Ну хорошо. Да, мелькнула такая мысль.

Я видела, как Мойшии убил эту тварь, которую поймали матросы.

– Рыба-дьявол.

Ронин отметил, что она поспешила сменить тему.

Он разрубил ей брюхо, ты видел? Потому что они живородящие. Он сделал так, чтобы детеныши тоже погибли.

– Откуда ты это знаешь? – с неподдельным интересом спросил он.

Я... не знаю.

– Ты когда-нибудь была на море?

Кажется, была.

– Тогда, может быть, твой народ – народ моряков.

Нет. Я думаю, нет.

Моэру отставила тарелку. Когда она наклонилась, волосы скользнули ей на глаза стремительным потоком тьмы.

– Тогда кто же ты? – нарушил Ронин затянувшееся молчание. – Постарайся не думать. Смотри на море. Что ты чувствуешь?

Моэру сделала, как он сказал. Опершись о поручень и положив подбородок на сложенные руки, она не отрываясь следила за безостановочным движением волн, бьющихся о корпус корабля. Потом она вздохнула. Трепетный красно-золотой лист в осенней буре.

Возможно, я просто крестьянка с севера, бежавшая от войны, какой ты меня в первый раз увидел.

– Теперь я знаю, что это не так.

Глаза у нее увлажнились. Моэру моргнула. Слезинка скатилась по щеке. Ронин обнял ее, и она прижалась к его крепкому телу, наконец сдавшись.

Я плыву в неизвестность, и это меня пугает. Кто я, Ронин? Что я здесь делаю? Я чувствую, что не должна оставлять тебя. Я чувствую... как будто мой корабль разбился, и я давно утонула, и труп мой уносит течением. Я словно утопленница, выброшенная на чужой берег. Я должна...

– Что?

Она вскинула голову и вытерла глаза.

Расскажи, что случилось в лесу под Камадо. Когда ты вышел оттуда, ты был такой бледный, что я испугалась. Я подумала, что ты был ранен и потерял много крови.

Ронин слабо улыбнулся.

– Ранен? Нет. Во всяком случае, не в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово.

Ронин еще крепче прижал Моэру к себе. Тепло ее тела окутало его, словно плащ.

– Я столкнулся со сверхъестественным существом и с тех пор часто его вспоминаю.

Он покачал головой, словно теперь, вспоминая об этом, сам не верил в реальность случившегося.

– Это был человек, Моэру. Человек с головой оленя, покрытой густой черной шерстью, и с исполинскими рогами.

Он понизил голос:

– Я вынул меч, но не смог удержать его. Пальцы меня не слушались, и я выронил меч. Он подошел ко мне, человек-олень, и у меня подкосились ноги. Он занес надо мной свой меч, черный ониксовый клинок, а потом что-то произошло. Что-то странное. Он смотрел мне в лицо, и в глазах у него я увидел страх. У него были человеческие глаза, это больше всего меня поразило. Мы оба застыли, не в состоянии что-либо сделать. Мы смотрели друг другу в глаза и не могли даже пошевелиться.

Наверху качнулись ванты. Застонали паруса, поймавшие попутный ветер. Поигрывая мышцами, матросы потянули концы, чтобы закрепить поднятые паруса. Кто-то вскрикнул, и словно откуда-то издали донесся угрюмый голос первого помощника. Ронин невольно вздрогнул от этого голоса. Впечатление было такое, словно ему на открытую рану плеснули горячим варом. Он начал смутно припоминать...

Этот Черный Олень... Почему он так тебя беспокоит?

– Я... я не знаю. Когда я смотрел на него, у меня было чувство...

Она терпеливо ждала окончания фразы.

– Что я тону.

А он? Как ты думаешь, что он чувствовал?

Ронин с любопытством взглянул на Моэру:

– Странные ты задаешь вопросы. Откуда мне знать, что он чувствовал?

Она пожала плечами.

Я подумала, может, ты знаешь.

Он покачал головой.

Что ты увидел в его глазах, Ронин?

Перед мысленным взором Ронина встал Черный Олень, необычное существо, сочетающее в себе черты человека и зверя. Он видел морду с лоснящейся шерстью, широкие зубы,

неострые, но все равно устрашающие, раздувающиеся ноздри, овальные человеческие глаза... Внезапно Ронин ощутил холод в груди, услышал, как наяву, холодный стук гадальных костей Боннедюка Последнего, разбросанных по узорчатому ковру в верхней комнате дома в Городе Десяти Тысяч Дорог. Ты не боишься смерти, сказал тогда карлик, и это хорошо. И все-таки ты боишься...

– Остановись! – закричал Ронин.

Что это? Моэру схватила его за руку. Ее гибкие длинные пальцы были на удивление сильными.

Он провел ладонью по глазам.

– Ничего. Просто призрак из сна.

Ты его знаешь, Ронин.

Непрощеный страх нарастал у него в душе.

– Не говори ерунды.

Небо, потемневшее от кружащих в вышине стервятников; жесткий шорох их крыльев.

Я вижу это в твоих глазах.

Вопреки здравому смыслу он набросился на нее, хотя она была не виновата ни в чем. Если кто-то и был виноват, то только он. Просто он боялся это признать. Вонь противнее, чем гниение.

– Холод тебя побери, сука! Заткнись! Ты...

– Капитан!

Ронин повернулся и увидел Мойши, избегающего по трапу.

– Что такое?

Моэру отстранилась, высвободившись из объятий Ронина. Глаза у нее были как камень – бесцветные и непроницаемые.

– Впередсмотрящие докладывают: паруса по левому борту, – сообщил Мойши. – Вон там, – показал он. – Как раз показались на горизонте.

– Какого типа суда? – спросил Ронин, всматриваясь в даль.

– Они еще далеко, капитан. – Карие глаза штурмана подернулись холодком. – Пока могу только сказать, что вряд ли это купцы.

– Понятно. Надо сворачивать с курса.

Мойши согласно кивнул.

– Но учтите, – продолжал Ронин. – Я не намерен терять драгоценное время. Нам необходимо как можно быстрее добраться до Ама-но-мори.

– Есть, капитан, – отозвался Мойши и тут же отдал приказ боцману на миделе. Тот передал команду первому помощнику.

Шхуна медленно накренилась, начиная поворот направо по широкой дуге. В лица им полетела водяная пыль – густая, прохладная, пропитанная запахом жизни.

Они начали уходить от настигающих их кораблей.

Волны вздымались все выше. Сейчас матросы не сходили с вантов – надо было использовать изменяющийся ветер. Океан сделался темно-зеленым, а потом, когда небо за западе затянули неровные грозовые тучи, он приобрел серый оттенок, тяжелый и мутный.

– Они нас догоняют, – заметил Мойши, стоя на полуюте рядом с Ронином и рулевым. – Паруса четырехугольные. Такая форма мне незнакома.

– Они нас видели? – спросил Ронин.

– Видели?! – переспросил штурман. – Да они, как мне кажется, нас и ищут.

– Как это может быть?

– Капитан, мое ремесло заключается в том, чтобы в целости и сохранности доводить корабли до безопасных портов, – пожал плечами штурман.

Вдалеке начался дождь. Зрелище было довольно странным: темный косой ливень ударил по поверхности моря с такой яростной силой, что казалось, это морская вода хлынула вверх.

– Лево руля! – рявкнул Мойши, и «Киоку» развернулась в восточном направлении.

Черный дождь и необычные паруса неслись следом.

Моэру отошла от перил и встала рядом с Ронином.

Кто знает о том, что ты вышел в море?

Ронин посмотрел на ванты, натягивавшие канаты. Он и сам уже думал об этом. Но пока ничего интересного не надумал.

– Насколько я знаю, только Боннедюк Последний.

Мойши, полностью сосредоточенный на рулевом и парусах, не обратил внимания на тот странный факт, что Ронин вроде бы разговаривает сам с собой. Моэру он слышать не мог.

Значит, не он один. Тот, другой, тоже знал.

Наверное, Ронин чего-то не уловил.. Он так и не понял ее замечания.

Мойши отошел от рулевого и приблизился к поручню по левому борту кормы.

– Сдается мне, капитан, что это ненастоящие корабли, – заявил он.

Ронин с Моэру подошли и встали рядом со штурманом.

– Что вы имеете в виду? – спросил Ронин.

На лице Мойши пролегли тяжелые складки.

– Да корабли, капитан. Сами посмотрите.

Все трое пристально глядели на запад. Дождь почти перестал, но пурпурный небосклон оставался темным. Там, где прошел ливень, море было серовато-белым, как крылья чайки, но с мутным багровым оттенком.

Моэру вцепилась в руку Мойши.

– Да.

Три темных сумрачных корабля с высокими носами стремительно мчались в их сторону. Они были еще далеко, но кое-какие важные детали уже можно было различить. Например, черные паруса, сшитые явно не из обычного полотна, поскольку оно отсвечивало даже в тусклом мерцании зловещих сумерек. В центре каждого паруса красовалось изображение – птица, закованная в броню, с клювом, раскрытым в усмешке. Эти странные эмблемы сверкали и трепетали, словно корчась в огне.

– Вы вниз посмотрите, – сказал Мойши.

Только теперь Ронин увидел, что днища у этих кораблей совершенно сухие, что они мчатся по морю, как бы летя над волнами. Однако при этом вода, как и положено, расходилась перед ними, а в кильватере оставалась белая пена.

– У вас, капитан, есть враги среди магов, – ровным голосом заметил Мойши. – Команде это не очень понравится.

– А это и необязательно, – отозвался Ронин. – Они должны просто сражаться, а нравится им или нет... это уже не моя проблема.

Он повернулся к штурману.

– А вы, Мойши? На чьей вы стороне?

– Как я уже говорил, капитан, я повидал немало диковинного. Пожалуй, не меньше вашего. Меня ничто уже не напугает. Ни на суше, ни на море.

Штурман хлопнул ладонью по поручню.

– У меня под ногами добрая посуда, пусть даже она не идет ни в какое сравнение с этими колдовскими кораблями. – Он пожал плечами. – Мне всю жизнь приходилось сражаться.

– Тогда мне не о чем волноваться. Распорядитесь, пусть первый помощник раздаст людям оружие и приготовится к abordажу.

– Есть, капитан. – Белые зубы по-волчьи блеснули. – Будет исполнено.

А я?

– Ты спускайся вниз.

Но я тоже хочу сражаться.

Ронин посмотрел ей в глаза.

– Тогда возьми у боцмана меч.

Выбора нет. Остается принять бой.

Он посмотрел в сторону нагоняющих их кораблей.

– Нам от них не уйти. Мойши это понял сразу. Они хотят нас захватить.

Его правая рука машинально легла на рукоять меча, а пальцы левой – в перчатке из шкуры Маккона – сжались в кулак. Он почувствовал, как кровь забурлила в жилах, как его руки налились силой. Он глубоко вдохнул; насыщая организм кислородом, чтобы в предстоящей битве мышцы не уставали как можно дольше. Живший в нем воин уже рвался в бой.

– А я... – хрипло выдавил он, – ...я хочу их уничтожить.

* * *

Корабли были сделаны из обсидиана, грубо отесанного и искрящегося в лучах заходящего солнца, что проглядывало сквозь рваные прорехи в облаках. Отраженный свет больно резал глаза. Высокие носы, тонкие и заостренные, по-прежнему раздвигали зеленую гладь океана, не касаясь при этом воды. Теперь Ронин разглядел, что фигуры на них были вырезаны в виде гротескных физиономий с рогами и клювами, до жути напоминавших Макконов. Мачты, выделанные, казалось, из огромных рубинов, были полупрозрачными и отбрасывали на узкие палубы тонкие косые тени кровавого оттенка.

– Это корабли из другого времени, – заметил Мойши. В его голосе явственно слышалось восхищение тонкого знатока. – Я бы полжизни, наверное, отдал, лишь бы пройти на таком хоть разок.

Они уже различали движение на вражеских палубах. Сквозь брызги пенящихся волн, разбивающихся о черные корпуса, проглядывали отблески шлемов и коротких мечей. Это напоминало переливчатый блеск роящихся насекомых.

А еще они увидели, что управляли обсидиановыми кораблями вовсе не люди. У этих существ были широкие плечи без характерной покатоности, бочкообразные торсы, неестественно тонкие талии и ноги со вздутыми бедрами и без икр. Их головы были посажены прямо на плечи при полном отсутствии шеи. Все – в высоких конической формы шлемах и темной броне.

Посмотри на их лица.

Ронин пригляделся. Выше носа их черепа практически не отличались от человеческих, но ниже... Ронина аж передернуло. Их черные ноздри уходили прямо в плоть, словно прорезанные смертоносным скальпелем, а еще ниже массивная кость выдавалась вперед тонким рылом, что наводило на мысль о том, будто их всех при рождении роняли и потом долго били затылком о пол. Глаза – не овальные, как у людей, а круглые, как у хищных птиц, – напоминали блестящие обсидиановые бусинки. А когда корабли подошли еще ближе, Ронин разглядел, что высокие шлемы были на самом деле не головными уборами воинов, а сверкающим оперением, покрывающим головы этих странных существ от макушки до середины спины.

Ронин оглядел палубу «Киоку». Все матросы были вооружены. Первый помощник уже расставил половину команды вдоль левого борта. Все было готово к тому, чтобы встретить идущих на абордаж.

И вот послышался грохот моря, словно яростная волна обрушилась на каменистый берег, и три обсидиановых изваяния нависли над ними, заслонив угасающее солнце. Тени от вражеских мачт перечертили «Киоку» кровавым знаменем.

Воздух наполнился свистом абордажных крюков, что посыпались черным дождем, утягивая за собой толстые веревки. «Киоку» содрогнулась, словно животное, пойманное в силки,

ее нос на мгновение выскочил из воды и тут же рухнул в набегающую волну. Палубу окатило морской водой, а потом на нее хлынули птицеподобные твари.

Выхватив меч, Ронин спрыгнул с высокого полуюта и врезался в самую гущу неприятеля. С высокими пронзительными криками странные воины рассыпались в стороны под его стремительным натиском.

Сначала Ронин пытался достать их ударами в корпус, но очень быстро сообразил, что они хорошо защищены своей черной броней, и сменил тактику боя. Одним движением он снес голову первого подвернувшегося противника. Брызнули осколки желтой кости, ошметки серой и розовой плоти. Перья всколыхнулись, и вверх ударил фонтан темной крови, нагнетаемый умирающим сердцем. Воздух наполнился нестерпимой вонью.

Ронин рубил и рубил, не давая себе передышки. Его длинный обоюдоострый меч сверкал платиновой косой среди копошащейся массы птицеподобных воинов. Артерии у него вздулись – он старался вдыхать поглубже, чтобы восполнить израсходованный кислород. Теперь, когда его клинок покрылся капельками крови и частицами мозга, к нему пришло ощущение завершенности. Он как будто смотрелся в бесчисленный зеркала, и сила его отражений укрывала его плащом неизбывной мощи, не давая ему уставать и делая неуязвимым.

Теперь странные воины попытались рассеяться, чтобы избежать его бешеного напора, но Ронин отрезал им путь к отступлению. А тех, кому все-таки удалось ускользнуть от него, встретили клинки матросов.

Когда схватка чуть поутихла, Ронин оглянулся и увидел Мойши. Штурман так и остался на полуюте и сейчас защищал свой участок кривым палашом. На секунду группа нападавших закрыла ему вид, но потом он разглядел рядом со штурманом и Моэру. Она прорубалась сквозь гущу врагов с мастерством и сноровкой, немало его удивившей.

Но сейчас не было времени на восторги. Над ним просвистели сразу три клинка. Легко уложив этих троих, Ронин пробился сквозь еще одну тесную группу и, оказавшись на небольшом открытом пространстве, быстро огляделся. Похоже, матросы держались неплохо, но к ним приближались еще два корабля. Их абордажные кошки уже взметнулись в воздух. Минута-другая, и воины с этих кораблей тоже вступят в битву.

Он принялся пробиваться к правому борту в надежде перерубить хотя бы несколько канатов с тем, чтобы оттянуть прибытие подкреплений. Но птицеподобные воины угадали его намерение и сомкнули ряды, преградив ему путь.

– Мойши! – крикнул Ронин сквозь шум сражения. – Канаты по правому борту!

Оставив противников на Моэру, штурман спрыгнул на главную палубу. Его массивное тело превратилось, казалось, в таран из железных мышц и негибавшей воли.

Вложив палаш в ножны, Мойши отбрыкнулся ногой от подбежавшего было воина, проворно вскочил на ванты и пробрался над схваткой к середине корабля. Там он выхватил кинжал с медной рукоятью и принялся обрезать туго натянутые веревки. Одна за другой они падали в море, но вражеские корабли подходили все ближе, и новые кошки взметнулись над бортом. Отразив очередной удар, Ронин присел и сорвал с себя промокший от крови плащ, который уже начинал стеснять его движения. Взявшись за меч обеими руками, он ударил в стык панциря нападавшего. Тот пронзительно вскрикнул и зажал рукой бок. Хлынула кровь, и он рухнул на колени. Ронин развернулся и отсек следующему противнику его острое рыло. Его обдало фонтаном крови, словно горячим снегом.

Ронин с трудом пробивался к Мойши сквозь ряды неприятеля. Он шел напролом. Его клинок разрубил нагрудную пластину у одного из воинов с черного корабля. Ронин сорвал ее и, не прерывая движения, резко ткнул своим трофеем назад, разрубив яремную вену у противника, налетевшего сзади. Потом он уложил еще двоих. Повсюду слышались вопли и трепыхались перья. Его руки со вздувающимися буграми мышц сделались липкими. Пот смешался с кровью врагов.

Вскоре он уже был у мачты. Кучи трупов росли. Палуба под ногами становилась опасно скользкой. Рядом с собой он заметил высокую фигуру, рубившую птицеподобных воинов; увидел краем глаза, как чей-то длинный клинок сносит оперенную голову. Ронин рванулся вперед, снова вклинившись в нестройные ряды неприятеля, а потом что-то с ним произошло. Он рухнул на колени, кашляя и тряся головой. В глазах заплясали искры. Все поплыло. Ронин попытался сфокусировать взгляд, но не смог. Он видел только расплывчатые очертания какой-то неясной тени. Он ощутил во рту вкус крови и грязи. Она была теплой и шевелилась, как будто живая. Ронин сплюнул и попытался подняться, но поскользнулся на вязкой жиже, разлитой по палубе. Зрение наконец прояснилось. С палубы на него осуждающе смотрела отрубленная голова в искрящемся оперении. Кто-то бросил ее в меня, сообразил он как будто в тумане. Но кто?

Он смахнул со лба пот и кровь, стекавшие на глаза, поднял взгляд... над ним нависало перекошенное лицо старшего помощника.

У него действительно не было нижней челюсти. На загорелой коже очень четко выделялись белые шрамы, живые и даже как будто пульсирующие. Зрелище было не самым приятным – выпуклые рубцы походили на вздувшиеся у покойника вены. Они тянулись от исковерканной верхней губы через провал в переносице к островку зарубцевавшейся ткани под правым глазом.

Первый помощник рассмеялся странным шелестящим смехом и поддал ногой голову в перьях. Она полетела Ронину в грудь. И в этот момент он все понял. Он увидел яркую вспышку света, отразившегося от искусственного левого глаза. Мысли его обратились вспять – он как будто вернулся в тот день, когда две фелуки, слившись в единое целое под порывами завывающего студеного ветра, мчались по бескрайнему морю льда; когда два могучих бойца сошлись в последнем бою, один – за власть, а другой – за свободу, и жестокая эта схватка была поединком света и тьмы. Ронин тогда одолел Фрейдала, саардина по безопасности Фригольда. Все решил беспощадный удар в лицо.

Ронин был уверен, что Фрейдал мертв, что он наконец отомстил за друзей, замученных и погубленных саардином. Он перебрался на свой корабль, обрубил канаты и еще долго смотрел вслед фелуке, уносящей в ледовую даль труп – как он тогда думал – врага и застывшего как изваяние писаря, неподвижного и безмолвного.

Но оказалось, что Фрейдал выжил.

Саардин занес ногу для следующего удара, целясь в ребра Ронина с таким расчетом, чтобы сломать их, но Ронин успел увернуться.

Он вскочил на ноги и поднял выпавший меч.

– Иди сюда, – прошипел Фрейдал.

У него был изуродован рот, и слова получались тяжелыми, искаженными, как бы и нечеловеческими.

– Иди ко мне и прими свою смерть.

Он поднял клинок. Однако Ронин остался на месте. Саардин сам шагнул к нему. Со звоном скрестились мечи.

– А где Боррос? Его я тоже должен найти и уничтожить.

– Боррос мертв. Теперь он свободен от своего страха и недосыгаем для твоего меча.

Фрейдал сделал выпад, но Ронин уклонился, легко парировав удар.

– И ты думаешь, я тебе поверю? Предатель! Ты осквернил Закон Фригольда. За этот проступок одно наказание – смерть.

– И ты, узнав этот мир, по-прежнему держишься за Закон Фригольда?

Сверкали мечи, слышалось горячее дыхание, мышцы работали неустанно, глаза напряженно искали слабые места в обороне противника.

– Этот мир лишь подтверждает силу Закона. Не будь ты таким идиотом, ты бы давно это понял. Здесь царят хаос, война и смерть. Люди мрут прямо на улицах, в грязи и собственных нечистотах. Мы, из Фригольда, выше всей этой скверны. Закон – вот наш господин; и лишь потому, что Закон существует, нас не касается эта грязь. Но я не надеюсь, что ты поймешь. Ты вернулся к животной жизни – а только так я могу определить существование на Поверхности, – когда был еще в Фригольде. Ты всегда был чужаком среди нас. Он опять сделал выпад.

– Ты нарушил Закон, и теперь ты умрешь.

Фрейдал нанес мощный удар, целясь Ронину в бок. При этом он крутанул клинок в попытке обойти блок, поставленный Ронином. Но тот ощутил силу натиска и вместо того, чтобы отбить удар, просто отпрянул в сторону. Противники сцепились, закрывшись мечами. Теперь их лица находились буквально в нескольких сантиметрах друг от друга.

– Ты думал, что я погиб, – прошептал Фрейдал в лицо Ронину, – но я выжил. Даже после твоего подлого удара. Я цеплялся за жизнь, я не мог умереть, не завершив свою миссию. Меня спасла сила моей правоты. Только она поддержала меня, а потом мой пиaseц вскрыл себе вены и отдал мне свою кровь. Он понимал, в чем состоит его долг. Он питал меня своим теплом и жизнью своего тела, чтобы свершился Закон, чтобы я выжил и смог отыскать вас с Борросом и свершить правосудие.

Фрейдал вырвался, сделал обманный выпад, метнулся в противоположную сторону и добавил:

– Закон всегда торжествует. Порядок всегда победит в схватке с хаосом!

Он прорвался сквозь защиту Ронина. Острие его клинка вспороло ткань на рубахе и полоснуло по коже. Ронин поднял меч, ослабив силу удара, и не отступил.

– И ты еще называешь себя мужчиной? – вскричал Фрейдал. – Трус! Почему ты не нападаешь?

Шепот над ухом – мягкий шелест со стальной сердцевиной. Ронин явственно слышал слова Саламандры, своего наставника по практике боя: «В бою, мой мальчик, побеждает не обязательно тот, чья рука сильнее. Сначала ты оцени возможности противника. Оставайся на месте. Не нападай, но и не отступай. Представь, что ты камень, и будь скалой, о которую бьется противник, и тогда ты увидишь его слабые места. А потом, мальчик мой, когда его разочарование неизбежно обернется яростью и реакция у него замедлится, если у тебя достанет ума, ты непременно найдешь путь к победе».

Ронин был хорошим учеником, он твердо усвоил уроки сенсея. Вот почему он стоял на неверной палубе, в тени обсидиановых кораблей, странные паруса которых закрывали небо, и отражал все броски Фрейдала, не переходя в наступление. Он парировал могучие горизонтальные удары, коварные режущие косые и колющие вертикальные, беря на заметку все ложные выпады и движения. Он мастерски удерживал выверенный баланс боя, который и делал сражение на мечах столь сложным искусством, возносящим лучших своих исполнителей на высоту, недостижимую для обычного воина. И уже очень скоро Ронин распознал правду – в этом ему помогло не только пристальное наблюдение за стилем Фрейдала, но и те истины, которые саардин изрекал с такой торжественной убежденностью. А еще он инстинктивно почувствовал, что Фрейдал – очень опасный противник. И вовсе не потому, что саардин так искусно владеет мечом. Его главная сила была в его непоколебимой вере в свою правоту, в железную непреложность Закона. Он не был наемником. Наемника, даже искусного, победить нетрудно. Фрейдал был фанатиком, слепо преданным своему делу. И именно эта слепая вера питала его силой и волей к победе. Фрейдал превратился сейчас как бы в живое олицетворение Фригольда, утратив все человеческие черты. Но Ронину это тоже придало решимости. Теперь он должен был победить. Не Фрейдала, а то бесконечное зло, которое воплощал в себе Фригольд.

Фрейдал сделал еще один ложный выпад, но вместо того, чтобы провести удар, швырнул в Ронина меч и, не прерывая движения, ударил его в горло сжатыми кулаками, одновременно

врезав коленом в живот. Ронин отлетел назад, ударившись о перила вдоль борта. У него перехватило дух, из глаз брызнули слезы. Он судорожно хватал ртом воздух, пытаясь заставить легкие работать. Здоровый глаз Фрейдала недобро сверкнул. Саардин со всей силой ударил Ронина по затылку. Ронин упал на колени.

Взглянув на него, Фрейдал по-волчьи оскалился, наклонился и поднял упавший меч Ронина. Неторопливо, едва ли не с нежностью прикинул его вес и оценил балансировку. Когда Ронин поднял голову, саардин ударил его по лицу тыльной стороной ладони.

Теперь он держал меч Ронина двумя руками и медленно заносил его над головой для решающего удара. Клинок сверкнул по всей длине – стрела ослепительной молнии, устремившаяся к земле.

Ронин попытался сфокусировать взгляд, но сумел разглядеть только размытую тень, нависшую над ним, и белый отсвет, больно бьющий по глазам. Мир утратил цвета и оттенки. Остались два бесформенных черных пятна, две противостоящие друг другу воли, скрепленные белой сверкающей линией.

Его пальцы в перчатке из шкуры Маккона превратились в стальные копыя, а тело как будто само устремилось вперед, без осознанного волевого усилия. Что-то темное и нехорошее как будто взорвалось внутри и утробно взревело, отозвавшись протяжным эхом в потоке ветра, пропитанного звериными запахами. В глубинах соснового бора тряхнул рогами могучий Олень, черный, величественный и пугающе первобытный.

Одновременно с движением возникло странное ощущение, как будто в нем что-то срослось, и он наконец обрел целостность. Промельк белого клинка, растопыренные пальцы, поднятые вверх, жестоко-злорадное лицо Фрейдала, его изумление, едва ли успевшее зародиться, потому что пальцы уже вонзились ему в глаза. Черное на белом; белое на черном. Свист бесильного теперь клинка, словно писк умирающего насекомого.

Фрейдал закричал. Противный, дребезжащий звук, исполненный боли и страха. Голова его дернулась. Он подался назад, инстинктивно пытаясь освободиться. Но ужасное оружие не отпускало – неумолимое, словно сталь, оно продвигалось все дальше. Кожа неведомого существа, чуждого этому миру, жгла плоть, пронзая ее насквозь. Потом пальцы согнулись, раздирая мягкую ткань. Резкий рывок – и они прошли сквозь скулу, сорвав лицо саардина, как маску.

Мир на мгновение замер, а потом на Ронина обрушились звуки, как волны огня, выражение предельной муки, свежая гробница, запечатанная последним, разбившим череп ударом. Кулаком в перчатке – в самую середину изуродованного лица. Зубы посыпались, как расколотые орехи. Бездыханное тело рухнуло. Содержимое кишечника непроизвольно изверглось. Вонь поднялась невыносимая.

Никогда еще смерть врага не приносила Ронину такого удовлетворения.

Он не сразу пришел в себя, но постепенно шум битвы прорвался к нему, возвращая Ронина к реальности, и до него наконец дошло, что Мойши выкрикивает его имя. Повернув голову, он увидел, что штурман едва удерживает напор птицеподобных воинов, которые не давали ему обрубить оставшиеся веревки, заброшенные с двух других обсидиановых кораблей. Вырвав свой меч из безжизненных пальцев злосчастного саардина, Ронин устремился штурману на помощь. Один из «пернатых» попытался преградить ему путь, но Ронин лишь усмехнулся и рубанул по панцирю странной твари с такой силой, что броня просто слетела. Мгновенно обезглавив противника, Ронин рванулся к корме, размахивая на бегу мечом.

Раскидав птицеподобных воинов, он добрался до Мойши, и они уже вместе, стоя спина к спине, принялись отбиваться от неприятеля, напирającego сплошной стеной. Быстро справившись с этой задачей, они начали судорожно обрубать туго, до звона, натянутые веревки. Матросы на обсидиановых кораблях уже подтягивали их шхуну к себе. Черные блестящие корпуса, в которых отражалась переливчатая рябь воды, приплясывали над волнами, нависая над правым бортом.

Пока Ронин с Мойши рубили веревки, Моэру, уже очистившая полуот, пробилась по кормовому трапу на главную палубу, увлекая за собой группу матросов. Они перемахнули через левый борт и запрыгнули на палубу первого обсидианового корабля.

Но тут снова нахлынули «пернатые», и Ронин, предоставив Мойши обрезать веревки, развернулся и встретил нападавших. Его меч превратился в сверкающую дугу – окровавленный серп, собирающий горячую алую жатву из плоти и кости.

И вдруг он почувствовал, как содрогнулась палуба. Воздух наполнился свистом – это за поручень правого борта зацепились новые крючья с веревками. «Киоку» угрожающе закачалась. Ронин взглянул вверх, испугавшись, что начался шторм, но увидел лишь небо, по которому плыли вполне безобидные пышные облака, гонимые слабым попутным ветром. Золотисто-лиловый мир готовился встретить закат. Море было спокойным, однако под ними оно бурлило и вздымалось волнами, словно вокруг бушевала буря.

Все сильнее раскачивал их океан, пока веревки, связывавшие «Киоку» с обсидиановыми судами, не лопнули. Как необузданный дикий скакун, шхуна высоко задрала нос над ложбинами волн.

Свободны.

Ронин, приникший к поручню вдоль правого борта, осмелился посмотреть вниз. Вода бурлила вокруг «Киоку», черная и блестящая, словно со дна поднималось морское чудовище невероятных размеров. Глубина дышала движением и мощью.

«Киоку» рванулась вперед, подхваченная беспощадным напором очередной исполинской волны, которая, вздыбившись, со страшным ревом накрыла один из обсидиановых кораблей. Он тут же исчез под бурлящей поверхностью моря. Пенящиеся буруны потащили «Киоку» дальше, и только теперь Ронин оглядел свой корабль.

– Мойши! – заорал он. – Где Моэру?

Сражение на борту «Киоку» почти закончилось. Мойши как раз добивал последнего противника. Повернувшись к Ронину, штурман вытер пот со лба. Кровь и грязь стекали ручьями по его рукам. Промокшая рубашка прилипла к груди.

– В последний раз я ее видел, когда она увела группу матросов на вражеский корабль, капитан.

Ронин помчался по палубе, перепрыгивая через трупы, мысленно окликавая Моэру, распахивая матросов, еще сражающихся с «пернатыми», не обращая внимания ни на своих, ни на врагов. В конце концов он убедился, что ее нет на борту, даже среди убитых и раненых. Тишина у него в сознании обернулась похоронным безмолвием.

Он побежал обратно к Мойши, который уже созывал матросов.

– Разворачиваем «Киоку»! – крикнул Ронин. – Она осталась на одном из тех кораблей.

Штурман окинул его мрачным и пристальным взглядом.

– Я не знаю, что нас оторвало от этих судов, капитан, но оно спасло нам жизнь.

Он повернулся и посмотрел на высокую черную воду за правым бортом.

– Взгляните туда, капитан. Видите? Мы не можем вернуться.

Четырехугольные паруса со злобно ухмыляющимися птицами быстро таяли вдаль.

– Сейчас «Киоку» ведут не течения и не ветры. Какая-то сила из глубины тащит нас вперед, и, пока она нас не оставит, нам придется смириться с тем, что вы сейчас не капитан, а я не штурман.

– Мойши...

– Дружище...

Видимо, разглядев неподдельную боль на лице своего капитана, штурман положил руку ему на плечо.

– Смотрите сами. Думайте головой, не сердцем. Мы бессильны.

Жива она или погибла, утонула в бушующем море или захвачена в плен птицеобразными воинами... теперь уже не узнать. Словно откуда-то издалека до Ронина донесся зычный голос Мойши:

– За борт, ребята! Бросайте все в море! Приступаем к очистке палуб!

Вытерев о ближайшее бездыханное тело свой окровавленный меч, Ронин вложил его в ножны. Он осторожно прошел по заваленной трупами палубе, поднялся на высокий полуют, вцепился окаменевшими пальцами в кормовой поручень и вперил невидящий взгляд в бурлящую воду. За спиной слышались всплески: «Киоку» освобождалась от мертвецов. Трупы кружились среди темных пенящихся волн и уходили под воду.

Теперь они были уже далеко – эти кошмарные обсидиановые корабли, гибнущие в неестественном шторме, – и Ронину вдруг показалось, что заходящее солнце слегка потускнело, хотя перед его оранжевым ликом не пробежало ни тучки. Он напряг слух и как будто расслышал вдали ни на что не похожий высокий вой, неровный и тонкий, все дальше и дальше, а впрочем, кто она мне... и что мне до нее?..

– Капитан, – окликнул его Мойши.

Ронин спустился по трапу и присоединился к штурману, руководящему уборкой.

«Теперь вы отмщены, друзья. Смерть Фрейдала не вернет тебя к жизни, Сталиг; и тебе, Боррос, легче не станет. И все же... – Он оторвал взгляд от серебрищейся сине-зеленой поверхности моря, чтобы украдкой взглянуть на Мойши. — Он вспомнил, как тот положил ему руку на плечо. Вспомнил тепло, исходившее от широкой ладони. – ...И все же себя не обманешь. Следят ли покойные за делами живых, этого мы никогда не узнаем. Но я отомстил, потому что я должен был это сделать. Прежде всего – для себя. И почему-то мне кажется, что они здесь, где-то рядом. Что им пока еще не все равно. Что же, прощайте, друзья. Можете спать спокойно».

Но в глубине души Ронин понимал, что это только начало, и месть еще не свершилась. Ненависть, что пылает в его душе неутоленным огнем, не погаснет, пока он не встретится с Саламандрой. Потому что еще не оплачены все счета. Потому что бледное и прекрасное лицо К'рин все время стоит у него перед глазами – лицо любимой сестры, погибшей от его собственной неведающей руки, – и только кровь его бывшего наставника смывает мучительное воспоминание о той дьявольской ловушке, которую расставил ему этот изощренный охотник. Раненный в самое сердце, но не побежденный, Ронин тогда все же сумел разжать челюсти хитроумного капкана, а теперь надо было придумать, как загнать самого охотника и расплатиться сполна. За все.

С палуб убрали последние трупы. В сражении полегло почти полкоманды, но, как вроде бы между прочим заметил Мойши, «пернатые» потеряли в полтора раза больше. Теперь моряки забрасывали за борт ведра, зачерпывали морскую воду и лили ее на широкие палубы до тех пор, пока по стокам не перестала течь кровь людей и тварей с обсидианового корабля.

Черное неестественное течение, к которому вскоре присоединился и свежий попутный ветер, продолжало гнать «Киоку» почти точно на юг. Поначалу они еще как-то пытались свернуть в сторону, но даже дополнительные брам-стенги не замедлили их стремительного движения. В конце концов Мойши сказал Ронину, пожав плечами:

– Нам остается одно: запастись терпением и ждать. Стихию нам не побороть.

И Ронин, который давно уже научился склоняться перед неодолимыми и непостижимыми силами, пусть с неохотой, но все-таки согласился со штурманом.

Он еще долго стоял неподвижно, безмолвно взывая к Моэру. Соленый ветер трепал его плащ. Потом Ронин очистил разум от всех посторонних мыслей и приготовился принять ответ.

Молчание. Полное и безысходное.

Почти всю его жизнь смерть была где-то рядом, поблизости. Она всегда забирала у Ронина самых близких, самых дорогих людей. Человек ко всему привыкает... и все же сейчас он никак не желал примириться с уходом Моэру. Ее аромат, ее голос в его сознании – они не

хотели ни таять, ни расплываться неуловимыми воспоминаниями, хотя Ронин и понимал, что среди воинов с обсидиановых кораблей ей не выжить. «Пернатые» явно не намеревались брать пленных. Они напали на «Киоку» с единственной целью – перебить всех до единого на борту.

Он наконец оторвался от перил.

Самое лучшее – если бурлящее черное море забрало ее к себе.

Дни и ночи тянулись мучительно медленно или же пролетали почти незаметно – это зависело от настроения. Ронин вообще перестал заходить к себе в каюту. Теплыми ночами при свете мерцающих звезд он мерил шагами палубу, и тяжелая поступь его сапог не давала заснуть матросам в кубрике.

Днем он обычно спал, укрывшись за бизань-мачтой, пока тени от облаков и искрящийся солнечный свет медленно проплывали над ним. Иногда он вообще не ложился. В такие дни Ронин либо часами точил свой меч, либо забирался на ванты и долго всматривался в ровный горизонт. Пил он немного, ел еще меньше и не слушал Мойши, который из кожи вон лез, чтобы разговорить его.

Постепенно вода становилась прозрачнее и зеленее, а сразу после заката она отливала размытым свечением. Солнце днем припекало, ночи стали заметно теплее.

Все чаще им попадались стаи летучих рыб. Они выпрыгивали из воды, сверкая серебряными спинами. Чаще всего они появлялись по утрам или по вечерам. Мойши сказал, что это – хороший знак. Ронин, однако, не обратил на него внимания, погруженный в свои темные, потаенные мысли.

Ровно через семь дней после первого появления летучих рыб примерно в полулиге по правому борту показался странный столб воды. Точно дрожащий, сверкающий мост, на поверхность всплыла громадная иссиня-черная туша, отличающаяся при всей своей кажущейся неуклюжести неким своеобразным изяществом. Ее здоровенный хвост взвился в воздух и завис там, трепыхаясь. Время как будто застыло. А потом море сомкнулось над этим загадочным существом, и оно скрылось из виду, взметнув серебристую водную пыль.

В тот же день они увидели птицу – первую птицу с тех пор, как «Киоку» вышла из Хийяна, города-порта на западном побережье континента человека, – первую птицу за девяносто дней. Это была довольно крупная чайка с белыми и пурпурно-серыми крыльями. Она дважды облетела вокруг брам-стенги на грот-мачте, заложила крутой вираж и улетела на восток.

Мойши велел рулевому держать курс по ней.

Влажная темная ночь. Бегущие в небе тучи закрыли месяц и звезды. Непроглядная тьма. Впередсмотрящие не заметили ничего. И если б не чуткий нос Мойши, Ронин бы в жизни не догадался о том, что они подошли к земле.

Но уже очень скоро до корабля донеслись тоскливые крики чаек, круживших над невидимыми утесами. Земля!

Ронин стоял рядом с Мойши на палубе, объятый бархатной тьмой и жарой.

– Это Ама-но-мори?

Это были первые слова, произнесенные Ронином за много дней.

– В целом мы шли в правильном направлении, капитан. Я, как мог, постарался подправить курс, но... – Мойши пожал плечами.

– Тогда это скорее всего не то.

– Капитан, перед нами – земля, не обозначенная на картах. А что мы знаем про Ама-но-мори? Что это остров, не обозначенный на картах.

– Логика неубедительная.

И снова Мойши пожал плечами.

– К сожалению, дружище, больше нам не на что опереться.

Он дал матросам команду лечь в дрейф.

На рассвете, когда спокойное море окрасилось розовым светом и матросы убрали топсели, «Киоку» подошла к земле.

Это был холмистый участок суши изумрудно-зеленого цвета. Очевидно – сплошные джунгли, дремучие и непролазные. Слева по борту на голом мысе громоздились синие скалы, над ними с криками вились чайки. Справа тянулся широкий пляж, наплывающий им навстречу.

Как зачарованный, Ронин смотрел на открывшуюся перед ним картину, не в силах оторвать взгляд от этой раскинувшейся полумесяцем цветущей земли, поднимающейся из океанских глубин. Неужели это и есть Ама-но-мори, родина легендарных буджунов? Неужели его путешествие подошло к концу?

Берег заметно приблизился. Мойши приказал лечь в дрейф. Матросы побежали по вантам. Потом штурман велел сделать первый замер глубины.

Цвет моря постоянно менялся: вода становилась то серо-зеленой, то бело-голубой. Наверное, именно из-за этой частой смены оттенков вахтенные и не успели поднять тревогу. Но, как бы там ни было, корабль не смог лечь в дрейф; вероятно, «Киоку» попала в приливную волну. Неожиданно близко загрохотал прибой, и Мойши закричал рулевому:

– Лево руля!

Но уже было поздно что-либо менять. Рулевой резко вывернул штурвал, однако «Киоку», влекомая силой могучей стихии, так и мчалась вперед. Штурман бросился на помощь, рулевому, они вдвоем налегли на штурвал, но это им ничего не дало.

Спустя буквально мгновение «Киоку» на полном ходу налетела на зазубренный коралловый риф, верхушка которого не доходила до поверхности моря какие-то шесть футов, не больше. Шхуна взвилась на дыбы, словно раненое животное. Раздался оглушительный скрежет – это сорвало киль. Корпус пробило тут же. Корабль содрогнулся и развалился на куски с такой неожиданной быстротой, что разлетающиеся во все стороны обломки дерева и металла насквозь пробивали тела моряков, пытавшихся спастись, прыгнув в воду.

Последовал мощный взрыв, и бурное море поглотило всех. Волны швыряли матросов, которым посчастливилось не попасть под обломки, прямо на риф, и их тела разрывало в клочья.

Ронин упал в воду, но при этом он постарался расслабиться полностью, заставляя себя не напрягать мышцы – ни в коем случае не напрягать. Это единственный шанс уцелеть. Тело должно оставаться вялым, хотя разум вопил об обратном, пытаясь мобилизовать все силы на борьбу со стихией. Повсюду кружились обломки злосчастной шхуны, темные и зазубренные, в облаке кипящих пузырьков. Морская соль разъедала глаза, но Ронин сделал усилие над собой. Глаза надо держать открытыми, чтобы успевать уворачиваться от обломков, которые могут прижать тебя своим весом к морскому дну. И еще один важный момент – не пропустить коралловый риф. Если напорешься на него, с тебя заживо сдерет кожу. И тогда уже все. Конец.

Вдохнув побольше воздуха, Ронин нырнул, стараясь как можно глубже уйти под воду, подальше от этой ужасной круговерти.

Бесконечная синева, пестрая и мельтешащая, растворила перспективу. Стало прохладнее. Ронин сосредоточился на приливном потоке, подхватившем его. Где-то в коралловом барьере должен быть проход, и поток пронесет его через этот проход. Он понимал, что не сможет бороться с морем. Надо просто поддаться ему и плыть. Вместе с ним.

Пенящиеся пузырьки обволакивали его тело. Легкие уже начинали болеть. Ронину очень хотелось отстегнуть меч, который с каждой секундой становился все тяжелее. Потом свечение ушло, смытое другим потоком, и синева сделалась еще гуще. Над головой заплясали тени, увеличенные до гигантских размеров водяной линзой. Впереди, преграждая путь, как-то вдруг вырос багровый коралловый риф. Ронин продолжал плыть вместе с потоком, чувствуя, как его пробирает ледяющий озноб. Легкие у него горели. Горло сдавило. Вот бы сейчас открыть рот и вдохнуть воздух... которого здесь нет, осадил себя Ронин, борясь с неодолимым позывом

дышать. Поток, несший его на риф, увеличил скорость. Ронин мысленно застонал, глаза у него вылезали из орбит. Все быстрее, быстрее... Губы сами раскрылись, готовясь ко вдоху. Ронин стиснул зубы.

А потом перед ним – наверху – появилось мерцающее зеленое пятно. Оно расплывалось, пульсировало в такт приливу. Собрав последние силы, Ронин принялся загребать руками и ногами. И вот он вырвался на поверхность, к солнечному свету и сладкому воздуху.

Он судорожно вдохнул. В ушах зашумело. Он сглотнул и захлебнулся, когда волна накрыла его с головой.

Его закружило и потянуло вниз.

Ронин рванулся вверх. Сейчас ему было легче – все-таки в кровь поступил кислород. Вырвавшись на поверхность, он услышал оглушительный грохот и ощутил содрогание бурунов. Ронин выждал, пока не пойдет волна, взобрался на перекатывающийся гребень и отдался приливу, который понес его к берегу.

Пенящиеся буруны неустанно накатывали на берег. Наверно, с такими же звуками нарождался мир. Дикий, неистовый взрыв энергии, что захлестнула его, закрутила и наплатала собой.

Изможденного и обессиленного, его выбросило на песок этим вечным соленым приливом. Над чужим берегом занималась заря. Бесчувственный и безвольный, лежал он на розоватом песке – обломок кораблекрушения, нехотя отданный морем земле, дар прохладной стихии прогретой тверди.

СЕРДЦЕ ИЗ КАМНЯ

Все утро он пролежал полутрупом на пляже. Последние языки прилива омывали его теплой пенной волной. Спутанные водоросли затянули зеленой пленкой его обнаженную спину, скрывая длинные шрамы от ран, полученных им в иной битве.

Посреди влажного мира, наполненного шумом моря жужжанием насекомых и недоуменными вскриками пикирующих чаек и бакланов.

Потом – хлюпанье башмаков по сырому песку, шаги, наискось пересекающие приборой. Грубое движение, нарушившее естественное равновесие пейзажа. На его неподвижное тело упала тень. Над ним нависла массивная фигура, тоже застывшая без движения. Затем фигура склонилась над ним, и чья-то рука сорвала с его спины уже начинавшие подсыхать водоросли.

Они сидели, скрестив ноги, посреди безбрежного пространства из розового песка, чуть выше неровной черной линии, означающей высшую точку прилива. Легкий бриз донес до них вонь гниющей рыбы. Чуть дальше по пляжу, слева, мерцало зеленовато-голубое облако перебивающихся насекомых, роящихся над останками небольшой рыбешки, выброшенной приливом. Казалось, ритмичное их движение – искрящийся рой то вздымался в воздух, то опускался вниз – возвращает погибшую рыбу к подобию жизни.

Крабы-мечехвосты со сверкающими черными панцирями бесшумно ползли по пляжу вдоль линии прибоя, и их негнущиеся хвосты прочерчивали четкий след на мокром песке.

– Мне повезло, – говорил Мойши. – Полуют сработал наподобие катапульты. Меня швырнуло через риф в довольно спокойную воду лагуны, вон там.

Он посмотрел на то место, где под водой скрывался коралловый риф.

– Проклятый коралл! Если б ты вырос повыше...

– А остальные? – спросил Ронин.

– Капитан, – отозвался Мойши, пропуская горячий песок сквозь пальцы, – остальных больше нет.

Лес возник перед ними внезапно – пышный, зеленый ковер, влажный и пахнущий прелой землей и естественным разложением, – такой резкий контраст по сравнению с просоленным и бесплодным песком на пляже, раскаленном предвечерней жарой.

Он вошел в джунгли, и его поглотил влажный, прохладный мир, не похожий ни на что из того, что Ронин видел раньше. Нефритовый собор, замысловатый гобелен, сотканный из листьев, лиан и ветвей. Толстые серые стволы сменялись тонкими, устремленными вверх побегами, а те, в свою очередь, – темными скрюченными деревьями, заросшими мхом. И все это залито зеленоватым светом. Пыльные косые лучи безуспешно пытались добраться к земле сквозь плетение ветвей. Тени, затаившиеся в вышине. Вспышки ярких цветов.

Мойши прихватил с собой с берега несколько продолговатых плодов, зеленых, больших и как будто лоснящихся. Их волокнистая кожура легко снялась, стоило только надрезать ее кинжалом. Внутри оказалась округлая, тоже покрытая волоконцами коричневая масса с тремя пятнышками с одного конца. Мойши передал Ронину один плод и показал, как сделать отверстия на месте двух пятен. Молочко было густым и сладким, а когда Ронин расколол скорлупу, он обнаружил, что и белая твердая мякоть внутри имеет приятный, слегка сладковатый вкус.

Они шли на запад, вглубь холмистого острова. Сквозь густые заросли папоротников, сквозь сплетения дикорастущих цветов, в гигантских соцветиях которых жужжали огромные насекомые, сквозь небольшие россыпи камней, сплошь покрытых серой плесенью и зеленым мхом, мимо скоплений желтых, как масло, громадных грибов с коричневыми и темно-красными пятнами на шляпках, мимо изогнутых древних корней невероятно высоких деревьев. Глядя на них, Ронин подумал, что эти первобытные великаны, должно быть, появились на свет

еще в эпоху первых катаклизмов, когда земная твердь в облаках пара прорвала бушующую поверхность морей, и постепенно кипящим приливам пришлось отказаться от своего безраздельного господства над планетой. Наверное, во времена своей долгой, блистательной юности эти деревья были немymi свидетелями рождения мелких тщедушных существ, которые выбрались из морских глубин, чтобы осваивать новый мир – мир воздуха и суши.

Алые и шафрановые, изумрудные и сапфировые, бирюзовые и коралловые штрихи носились в вышине, пробиваясь промельками красок сквозь многоярусный мир ветвей. Крики и трепыхание птиц с роскошным сверкающим оперением сопровождали их медленное продвижение по джунглям.

Нередко до них доносились утробный рык или гнусавое урчание какого-то крупного хищника, но сквозь густую листву ничего не было видно. Кругом так и кишела мелкая дичь: куропатки и перепелки, фазаны и кролики. Пищи здесь явно хватало.

Время как будто исчезло, отодвинулось вдаль по сужающемуся туннелю, превратившись в далекое и неестественное понятие, зато хаотичное пространство джунглей захватило их своей небывалой реальностью, медленно проникая в их тела и души, пока все, что они знали и видели до сих пор, не стало казаться невероятным горячечным бредом.

Они шли по податливой и болотистой почве, осторожно отдирая от неприкрытой одеждой кожи черно-коричневых цепких пиявок жуткого вида.

Они пробирались по каменистым участкам, где земля под ногами поднималась рядами извилистых гребней, сложенных из забуренных обломков вулканической породы. Заросли здесь становились как будто чуть реже.

Утомившись, они останавливались на отдых под сенью какого-нибудь высоченного дерева, срывали плоды с его нижних ветвей, сидели, привалившись спиной к гладкому стволу, и смотрели, как по корням ползают, роя ходы, большие белые термиты. Потом они отправлялись дальше, вновь ощущая себя маленькими и ничтожными перед лицом шелестящей бесконечности джунглей.

По ночам, когда в просветах между сплетенными ветвями носились с пронзительным верещанием летучие мыши, они разводили небольшой костерок и жарили свежую дичь, пойманную и освежеванную заранее, еще до внезапного наступления скоротечных сумерек.

Однако здесь, в густых джунглях, куда едва проникал свет солнца, ночи и дни были практически неразличимы. Они давно потеряли счет часам, поскольку сквозь высокие своды деревьев не проглядывали ни луна, ни солнце. Они научились вести отсчет времени по животным, на которых охотились и которые непрерывно кишели вокруг, – у каждого вида были свои внутренние часы, бесперебойный механизм, останавливающийся только со смертью.

– Вы знали его, капитан, – как-то завел разговор Мойши, когда они с Ронином сидели у потрескивавшего костра. – Первого помощника.

– Да, – отозвался Ронин. – Это мой давний враг. Он убил многих моих друзей. Еще там... дома.

Он поднял глаза и принялся наблюдать за тем, как неровные отблески костра высвечивают красноватые бусинки-глазки летучих мышей, расправленные крылья которых напоминали ему паруса проклятого корабля-призрака.

– Вы ведь с севера, капитан?

Мойши доел свой кусок и швырнул косточку в темноту, притаившуюся за пределами света от костра.

– Очень настойчивый парень.

Он покачал головой.

– Вы были правы, – криво усмехнулся Ронин. – Неспроста он торчал на носу.

– Ах, дружище, у нас у всех есть свои маленькие секреты. Зловещие тайны.

Мойши разорвал кожуру какого-то пурпурного плода и поднес его к губам. По его густой бороде потек сок.

– А вы его ненавидите... свой дом, – неожиданно заметил он.

Ронин сидел, положив ладони на поднятые колени.

– Это было нехорошее место, Мойши.

Он вытер жирные губы.

– Но теперь все это в прошлом.

Штурман пристально изучал Ронина. В отсветах пламени глаза у него поменяли цвет и сделались темно-зелеными, оттенка густого мха.

– Я знаю по опыту, капитан. Такое не остается в прошлом. Дом все равно тянет нас... так или иначе.

– Наверное, только тех слабых, которые сами хотят вернуться.

Мойши пожал плечами:

– Возможно.

Он рассеянно крутил между пальцами черенок плода, ковыряя ногтем в зубах.

– Но верно и то, что с момента рождения человека могучие силы приходят в движение именно из-за его рождения. Силы эти не знают границ. Они управляют не только нами. Они влияют и на тех, кто рядом.

Он выплюнул кусочек кожуры.

– «Рядом» не только в физическом смысле.

Ронин сидел неподвижно, полузакрыв глаза, и Мойши не был уверен, что он услышал его последние слова.

А наверху, в темном сплетении ветвей, бесчисленные крылья сотрясали влажный ночной воздух.

На следующий день, ближе к вечеру, им преградили дорогу жесткие серые корни, закрученные и волокнистые, поднимавшиеся изогнутыми дугами, словно ряд миниатюрных мостиков, выросших из глинистой почвы. Перебравшись через это препятствие, Мойши вдруг остановился. Он замер на месте, ничего не говоря, и Ронин открыл было рот, чтобы спросить, что случилось, но тут он заметил движение у ног Мойши. По ногам штурмана, над замызганными грязью башмаками, ползла змея, подергивая плоской тупой головой в зеленых и желтоватых блестящих.

Они оба застыли, как два изваяния. Змея, извиваясь, ползла все выше – беззвучная смерть. По ягодицам Мойши, по спине. Вот она обернулась вокруг его левой руки. Мелькнул раздвоенный язычок. Глаза сверкнули двумя обсидиановыми точками.

Правая рука Мойши метнулась к ее голове; большим и указательным пальцами он зажал ей челюсть с двух сторон. Рот у змеи широко раскрылся, блеснули длинные острые ядовитые зубы. Ее туловище извивалось, то скручиваясь кольцами, то выпрямляясь. Мойши резким движением сломал ей челюсти и лишь после этого заговорил:

– Сорвите, пожалуйста, лист, капитан, и дайте его сюда.

Опустившись на колени, Мойши положил раздавленную голову на широкий лист, поданный ему Ронином. Осторожно вытащив кинжал, он срезал верхнюю часть змеиной головы от рыльца до начала еще подергивающегося туловища. Кончиками двух пальцев штурман нажал на открытое мясо. Через полые клыки на лист потек темно-красный яд.

Выдавлив последнюю каплю, Мойши отшвырнул от себя змею, отрезал от ближайшего ствола кусочек зеленого мха и дал яду впитаться в него. Потом он завернул влажный мох в лист и поднялся.

– Вот так-то, дружище. Как правило, мир не бывает ни белым, ни черным. Чаще всего – в разной степени серым.

Засунув сверток за кушак, он убрал кинжал.

– Если бы эта змея укусила меня, ее яд убил бы меня на месте. Но теперь, когда он высохнет в органической среде, он станет прекрасным противоядием. То, что при одних обстоятельствах принесло бы смерть, при других – спасет жизнь.

– А вам откуда известно об этой твари? – поинтересовался Ронин.

– Вы сами с севера, капитан. Змеи там не живут. Но я-то с юга. Моя страна расположена даже южнее, чем этот остров. .

Они пробирались сквозь густые заросли папоротника.

– Я уже, кажется, говорил, что когда-то, много тысячелетий назад, моя земля была частью континента человека, но потом, когда произошли сдвиги в земной коре, эта часть суши оторвалась.

– Как же тогда вы попали на континент человека? – спросил Ронин. – Ваш народ – народ-мореплаватель?

– Искаильтяне? – Мойши улыбнулся. – Нет, капитан, отнюдь. Мы издревле занимаемся земледелием. Но мы плюс к тому и рыбаки. У нас есть большой опыт в прибрежном мореходстве.

Он пригнулся, чтобы не удариться головой о толстую корявую ветку, усеянную красными и черными жуками.

– А еще мой народ – народ-воитель. Нам поневоле пришлось овладеть воинскими искусствами. Мы – свирепые бойцы пустыни, привыкшие к трудностям и самоотречению; гордый и одинокий народ с богатыми традициями, идущими от древних времен. Наша история, капитан, это история рабства и предельного самопознания.

– Ваша страна далеко от континента человека?

– От Хийяна? Да, далеко. К нам проще доплыть от восточного побережья континента. Существует торговый маршрут от Шаангсея. Вам знаком этот город?

Ронин улыбнулся.

– Да. Я жил там какое-то время.

– Я так и знал! – рассмеялся Мойши. – Клянусь Орубуром, нам надо как-нибудь встретиться там и пройтись вместе по улицам этого города, полного тайн и загадок. Договорились, капитан? Поскольку вы жили там, вы должны знать, что ни одно место в мире не сравнится с Шаангсеем в плане загадочных приключений и запутаннейших интриг.

– Договорились, Мойши, – сказал Ронин. – А пока расскажите мне о своей стране.

– У меня в Искаиле остался брат, – заговорил Мойши, пожевывая только что сорванный листок мяты. – Мы с ним двойняшки. Появились на свет с промежутком в несколько мгновений, но мы совсем не похожи. Отец наш вообще сомневался, братья мы с ним или нет.

– Вы, наверное, преувеличиваете.

Мойши покачал головой. В ноздре у него сверкнул бриллиантик.

– Отец был человеком набожным, его вера в бога наших далеких предков была непоколебима. Она была его силой, краеугольным камнем всей его жизни. Мне кажется, он всегда думал, что одного из нас в чрево матери поместил бог.

– Для чего?

Мойши пожал плечами:

– Кто знает? Непостижимый он был человек, мой отец. Может быть, он мечтал о том, чтобы в его семье появился тот самый пророк, которого ждет мой народ уже столько веков.

Сплюнув темную кашу изжеванной мяты, Мойши отправил в рот еще один лист.

– Мой отец был довольно зажиточным человеком. Когда мы родились, он уже был владельцем большого участка земли.

Сверху донесся хриплый крик, в ветвях промелькнуло что-то красновато-золотистое.

– Но не стоит предвосхищать мой рассказ, капитан, потому что это отнюдь не история о двух принцах, один из которых правильный и хороший, а второй – отъявленный злодей. Я никогда не стремился заполучить отцовские земли. И я никогда не хотел становиться воином. Мне хотелось лишь странствовать – посмотреть, что за земли лежат за бескрайним морем. Я с детства мечтал об одном: сесть на один из больших кораблей с белыми парусами и резными фигурами на носках, которые неожиданно появлялись на горизонте и приносили людей из другого мира... сесть и уплыть с ним к иной, неизвестной земле.

Но я был старшим, и как у старшего сына у меня были определенные обязательства. Мы владели обширными землями, и им требовалось уделять внимание. Мой наставник всегда выезжал со мной, куда бы я ни отправлялся по делам семьи. Но когда я поднимался на гребень холма, я каждый раз обращал взор к мерцающему морю, раскинувшемуся на солнце серебряными кружевами, и думал только о том, когда же я наконец смогу уплыть по этим подвижным волнам.

Дрейфуя в нефритовом море джунглей, Ронин слушал взволнованный голос Мойши, разглядывал медленно движущиеся навстречу исполинские деревья и полной грудью вдыхал влажный воздух, как будто пропитанный буйством жизни. Наклонившись, он поднял с земли огромного жука-рогача, иссиня-черный панцирь которого блестел в рассеянном свете, как полированный металл. Какое-то время он зачем-то нес жука с собой, а потом положил его на плоскую поверхность камня, выступающего из почвы.

– Однажды я стал свидетелем такой сцены: мой брат дрался с сыном соседа-фермера. Вы бы назвали его господином, хотя в языке моего народа это слово употребляется только в одном значении. Господином мы называем бога. Впрочем, продолжу. Мой брат не был трусом, но не был и воином, несмотря на его рост и силу. Впрочем, он был достаточно ловок, и кулаки у него были как колотушки, так что этому парню, наострившемуся на легкую победу, досталось по первое число. Брат ударил его по лицу. У того пошла кровь из носа. Он запросил пощады, а когда брат остановился, парень выхватил спрятанный нож. Если бы я не вмешался, мой брат, который совсем не умел обращаться с оружием, расстался бы с жизнью при первом же ударе. Я отшвырнул брата в сторону и схватился с тем парнем, а он был силен и неглуп. Мы подрались. Он погиб по случайности, наткнувшись на свой же нож.

В глубине нефритового океана с монотонным жужжанием мух слилось переливчатое стрекотание цикад, предвещавшее скорое наступление сумерек.

– Мой брат пожелал остаться. Я же хотел уехать. У меня в любом случае не было выбора. Отец отвез меня в Алаарат, ближайший портовый город, и сам оплатил мой проезд на первом же судне, отплывающем на континент человека.

– Как же отец мог позволить вам...

– У нас суровые законы, капитан, и особенно если речь идет об убийстве. У того фермера были обширные земли...

– Но разве нельзя было что-то придумать? Найти иные пути? Ваш брат...

– Находился за многие лиги от места драки, как думали все соседи. Отец не стал рисковать, впутывая нас обоих. Как я уже говорил, человек он был благочестивый и набожный, а наш бог не прощает проступков. Это я, а не брат, дрался с парнем, когда он погиб, и, по правде сказать, я не знаю, чья рука – моя или его – направила в него кинжал. Но для отца это уже не имело значения: мое вмешательство стало причиной смерти, и я должен был понести наказание.

Крики птиц отражались негромким эхом под сводами изумрудной галереи сплетенных ветвей, создавая как бы звуковой фон для рассказа Мойши.

– А ваш брат?

Они прошли мимо гигантского удава, скользившего по лиане, соединявшей две ветки справа, не обращая внимания на его шипение.

– Мой брат, – произнес Мойши ровным голосом, – никому не сказал ни слова.

Ночь пришла в розовато-лиловых сумеречных шорохах. Еще до того, как темная зелень превратилась в крошечную черноту, они развели костер, разбрасывающий искры во тьму, и занялись приготовлением жаркого из двух кроликов, пойманных загодя днем.

Сквозь негромкий треск пламени и шипение капающего в огонь жира уже слышались голоса ночных птиц, звучавшие глуше и менее пронзительно, чем у их дневных собратьев. Это были даже не крики, а хриплый шепот. Жужжание насекомых превратилось в зудение на тонкой высокой ноте, в которое то и дело врвалось переливчатое стрекотание цикад.

Шорох листвы в отдалении и негромкие вскрики, сопровождаемые утробным урчанием, указывали на присутствие хищных зверей, крадущихся в ночи. Неподалеку ухала сова, пристроившись на сучке среди нижних веток дерева, под которым они развели костер. В мерцающих отсветах пламени Ронин сумел разглядеть ее вращающуюся, как на шарнирах, широкую голову и мигающие круглые глаза.

Проснувшись на рассвете, они опять окунулись в нефритовую зелень. Начался дождь. Дожди здесь шли часто, не реже одного раза в день. Чистый косой ливень, пробиваясь сквозь густую листву, обращался густым влажным туманом.

Мойши раскидал белую золу остывшего костра, в которой еще светился один унылый уголек. Он зашипел и погас.

Сегодня местность пошла в гору. На пути начали попадаться широкие полосы вулканической породы, похожие на застывшие ручьи, сверкающие вкраплениями минералов. Здесь папоротники были выше – огромные шелестящие опахала, стгибающиеся под тяжестью влаги и мельтешащих насекомых.

Петлистые лианы оплетали стволы высоченных деревьев. На лианах висели коричневые длиннохвостые обезьяны с яркими любопытными глазами. Завидев пришельцев, они возбужденно заверещали, и Ронин с Мойши еще долго слышали эхо этих пронзительных криков. Постепенно возбуждение животных улеглось, но они продолжали перекликаться между собой, перепрыгивая с лианы на лиану и не отставая от путников.

После полудня они перевалили через вершину холма, на который взбирались с раннего утра, а ближе к вечеру что-то неуловимо переменялось в джунглях.

Воздух сделался гуще. Свет, до этого зыбкий и водянистый, стал насыщеннее и ярче, а лесные шорохи, с которыми Ронин и Мойши давно уже свыклись, слегка изменились.

Они устремились вперед и неожиданно для себя оказались на высоком берегу широкой мутной реки с голубовато-зеленой водой в серой ряби.

Слева послышался тяжелый всплеск. Только сейчас они разглядели длинное чешуйчатое туловище какого-то странного существа. Оно медленно погружалось в воду, пока над поверхностью не остались лишь выступающие над мордой глаза. Облик этого существа почему-то впечатался Ронину в память, было в нем что-то знакомое... и уже потом, позже, когда ему довелось снова увидеть этого зверя и рассмотреть его получше, он узнал древнего крокодила, которого описывал ему Боннедюк Последний, объясняя происхождение Хинда и гадальных костей.

Они двинулись вниз по склону, как бы погружаясь в море густого влажного воздуха. Под их ногами струйками осыпалась земля, черная и плодородная. Все было пропитано запахами жизни и разложения.

Дождь перестал, пусть даже и на время. Солнце, раздувшееся в белом небе и приглушенное дымкой, немилосердно пекло. После стольких дней, проведенных в тенистом полумраке джунглей, жара казалась просто невыносимой. Река сверкала на солнце, и Ронин с Мойши еще долго щурились, пока их глаза не привыкли к яркому свету.

Присев на корточки у самого берега, они стали пить, настороженно прислушиваясь. И как только внезапная рябь на середине реки обернулась плеском, они разом подняли головы. Из воды высунулась огромная пурпурно-серая морда, опутанная зелеными и коричневыми растениями. Пасть широко распахнулась, демонстрируя громадные тупые зубы и грязное склизкое нёбо. Послышалось фырканье, напоминавшее шипение воздуха, с силой вырвавшегося из объемистых мехов. Черные глаза безмятежно взглянули на них, а потом голова дернулась и исчезла под набегающими волнами.

– Вплавь – дело дохлое, – заметил Ронин. – Даже пытаться не стоит.

– Это верно, но перебираться придется.

От жары и яркого света смуглая кожа Мойши отливала полированной медью. Он огляделся по сторонам.

– Я, кажется, знаю, что делать. На этом берегу, я смотрю, много тонких деревьев. Вы когда-нибудь делали плот, капитан?

Они валили деревья почти весь день, а в перерывах собирали куски вьющихся лиан, которые, как и предсказывал Мойши, были гораздо крепче, чем это казалось с виду. Время от времени Ронин непроизвольно поглядывал на многоярусные деревья на краю джунглей, но там не было никого, даже обезьяны и те не показывались. Может быть, они испытывали естественный страх перед речными хищниками. Но скорее всего их отпугивал шум, производимый на берегу Ронином и Мойши.

Набрав достаточно материала, они сначала обрубали верхушки стволов, чтобы приблизительно выровнять бревна по длине, после чего принялись связывать их лианами.

С усталым вздохом на землю спустились сумерки, но Ронин с Мойши продолжали работать, чтобы успеть приготовить все до темноты и уже на рассвете пуститься в путь. На том берегу, высоком, обрывистом и скалистом, опять начинались джунгли. После целого дня, проведенного на солнцепеке, Ронин поймал себя на мысли, что ему не терпится вернуться под влажную сень деревьев.

Они успели закончить плот до темноты. В последний раз проверив крепость узлов, они поднялись с берега и, расположившись на краю джунглей, развели костер. Поужинали они рыбой и печеными клубнями.

Перед сном они срубили пару тонких упругих ветвей и обожгли их концы на огне.

– Шесты, – пояснил Мойши, – чтобы справиться с течением.

На рассвете они отплыли, оттолкнувшись шестами от берега. Их подхватил бурный поток, мутная речная вода захлестывала бревна.

Нежась в прогретом воздухе, жужжали насекомые. По поверхности воды скользили черные танцоры – водяные пауки.

Два медлительных крокодила неуклюже сползли с раскаленного берега и, забравшись достаточно далеко в воду, бесшумно поплыли в сторону плота, возмущившего их спокойствие.

Их морды ушли под воду, и Ронин негромко окликнул Мойши, который перешел с левой стороны на кормовую часть. Вытащив шест из воды, Ронин положил его на плот и вынул из ножен меч.

Длинная чешуйчатая морда с разинутой пастью стремительно вырвалась из глубины. Ряды острых, как бритва, зубов, которые издали казались притупленными, с близкого расстояния производили действительно устрашающее впечатление.

– Вам надо остановить их бросок, – предупредил Ронина Мойши, – иначе они нас просто перевернут.

Исполинские челюсти щелкнули в нескольких сантиметрах от края плота, после чего, крокодил исчез. Какое-то время вода оставалась спокойной. Мойши, воспользовавшись передышкой, оттолкнулся шестом от дна.

Потом крокодил снова вынырнул на поверхность, загребая короткими, но сильными лапами.

Широко расставив ноги, чтобы не потерять равновесия на зыбкой поверхности плота, Ронин рубанул мечом наискось от правого плеча. Клинок вошел крокодилу в голову под левым глазом, разрубая чешую, плоть и кость в облаке желто-белых брызг. Огромное туловище, остановленное в броске, взлетело в воздух и тяжело плюхнулось в воду. Когда оно скрылось под водой, из раны хлынула кровь. Река под плотом вспенилась и забулдила.

А на скользкой поверхности плота осталась лежать отрубленная голова, ухмылявшаяся во всю пасть.

Они благополучно добрались до противоположного берега и направили плот к дереву, нависшему над водой. Ронин удерживал плот на месте, а Мойши забросил лиану, которую они припасли заранее, в густую листву.

Им еще пришлось совершать утомительный подъем по крутому каменистому склону. Ронин тащил с собой голову крокодила. Как бы ему ни было тяжело, он отказался бросить трофей.

Когда они снова вступили в нефритовый полумрак джунглей, Ронин попросил Мойши посидеть, а сам разжал крокодильи челюсти и принялся осторожно выковыривать острые зубы острием кинжала.

На этом берегу было тише, и они сразу же почувствовали, что им не хватает дружелюбного лопотанья обезьян и пронзительных птичьих криков. Здесь тоже слышался монотонный гул насекомых и хлопанье крыльев над головой, но эти редкие звуки только подчеркивали изменившийся характер джунглей. Они снова почувствовали себя одинокими и заброшенными, словно вышли к последнему рубежу, установленному человеку, и теперь, миновав этот запретный барьер, вышли в другой, незнакомый мир.

Ронин извлек наконец все зубы.

Бросив голову крокодила, они отправились дальше на запад, углубляясь в затерянные дебри острова.

Пошел дождь, и джунгли вокруг зашелестели от падающих капель. Потом дождь перестал ненадолго, и над деревьями снова разлился нефритовый свет, теплый и вязкий, как мед. На белом раскаленном небе, невидимом за кронами деревьев, припекало солнце.

Вскоре опять пошел дождь.

А через какое-то время Ронин услышал тихий возглас Мойши и его шепот:

– Вон там.

Перед ними, чуть в стороне от намеченного пути, стоял обелиск из резного камня высотой чуть выше человеческого роста. Он был слегка заострен и покрыт с четырех сторон странными письменами и изображениями людей в головных уборах из перьев, с лицами, повернутыми в профиль. У всех людей на рисунках были длинные крючковатые носы и высокие, чуть выступавшие лбы. Обелиск увенчивала искусная резьба, повторявшаяся со всех четырех сторон: ухмыляющийся череп.

К вечеру все сомнения рассеялись.

Ронин с Мойши уже много дней провели в джунглях, к тому же оба были искусными воинами, обученными, среди прочих премудростей, и остроте восприятия, так что, даже не будучи жителями этих мест, они научились неплохо ориентироваться в нефритовом море.

Им больше не попадались предметы, изготовленные человеческими руками, но к концу дня они все-таки были вполне уверены, что по джунглям они идут не в одиночестве. Они никого не заметили, но весь день их не покидало чувство, что в густой листве скрываются невидимые существа, которые наблюдают за ними.

Они продолжали идти вперед, сквозь нескончаемый изумрудный сон, горячий и липкий, где клейкая, насыщенная влагой жара была почти осязаемой.

Даже ночь не принесла прохлады. Спали они беспокойно, то погружаясь урывками в дрему, то неожиданно просыпаясь и прислушиваясь под учащенные удары сердца к крадущимся шагам во тьме за пределами круга света от неяркого желтоватого пламени костра.

Пару раз Ронин вставал, зажигал пучок тростника, который, как они выяснили, горел достаточно ярко, несмотря на избыточную влажность, пропитавшую этот девственный лес, и отходил метров за сто от костра. В первый раз он не заметил ничего подозрительного, но зато во второй, когда уже возвращался к Мойши, он уловил краем глаза мимолетный отблеск света, отраженного от его факела, и, стремительно развернувшись, заметил красные глаза, горевшие в ночи раскаленными угольками. Но видение это было таким скоротечным, что Ронин не смог даже определить, каково было происхождение этих вспыхнувших вдруг в темноте огоньков.

Назавтра дождь лил целый день, закрашивая окружающий мир неприглядным и бледным серо-зеленоватым оттенком. Ронин и Мойши взобрались по густо заросшему откосу в форме двойного изгиба и тут же наткнулись на четыре каменные стелы, раза в три превосходившие высотой давешний обелиск. Они тоже были покрыты резьбой сверху донизу со всех четырех сторон. Письмена были точно такие же, как на обелиске.

Они напоминали ворота, но без верхней перемычки.

Под печальный плач джунглей они прошли между стелами.

Сейчас они не слышали ничего, кроме шума дождя, волнами перекатывающегося по джунглям. Здесь, на открытом месте, где не было листьев и переплетенных лиан, чтобы задерживать воду, дождь всюду поливал рыхлую почву. Видимость сделалась очень плохой, и Ронину с Мойши приходилось двигаться с осторожностью.

Где-то через полкилометра от каменных стел джунгли закончились, причем так неожиданно, что они поняли это, лишь выйдя на край расчищенной земли.

Они замерли на месте, глядя на невероятную ширь, развернувшуюся перед ними словно по волшебству.

Дождь почти перестал. В небе сквозь слой темных грозовых облаков засияло солнце, освещая бесконечную равнину и строения невероятных размеров из ослепительно белого камня – высокий пирамидальный город с прямыми, как стрелы, улицами, окаймленными невысокими каменными изваяниями.

Замысловатая архитектура зданий была до жути чужой и одновременно как-то странно знакомой. Ни одно из гигантских строений не превышало размерами исполинское сооружение, расположенное в самом центре каменного города.

Это была громадная ступенчатая пирамида, возвышавшаяся надо всем. Причудливая и величественная, она сразу приковывала к себе взгляд. Пирамида имела не три, а четыре грани, что, вероятно, было типично для данной культуры. Посередине каждой грани, поднимающейся к вершине чередой выступов, шли ступени наверх. На плоской вершине стояла овальная каменная плита с черными и зелеными прожилками. Больше всего она напоминала алтарь.

– Ама-но-мори? – прошептал Мойши.

Ронин уставился на каменный овал, борясь со внезапным приступом головокружения. Ему почему-то было страшно выходить из густой тени нефритового моря джунглей – живого талисмана, укрывающего их с Мойши от этого жуткого белого города.

Который как будто застыл в настороженном ожидании.

– Город с виду заброшенный.

– Но я чувствую...

– Знаю.

– Тогда где же жители?

Исполинские стелы и здания из камня были украшены замысловатой резьбой, изображающей странные сцены с бесчисленными человеческими фигурками. Люди это или боги? Возможно, и те и другие. Вот это, наверное, люди: подавленные, разгромленные и униженные, принесенные в жертву, теснимые свирепыми, победоносными, мстительными владыками – торжествующими богами, воспетыми в камне.

Они прошли по центральной улице, широкой и совершенно ровной, между двумя одинаковыми изваяниями, представлявшими кошек с разинутой пастью и передними лапами, вытянутыми вперед. Напряженные мышцы их каменных плеч были тщательно и глубоко проработаны резцом, а могучий рельеф груди поднимался крутыми изгибами к поднятому крестцу и неподвижному хвосту.

Сразу за этими исполинскими стражами по обеим сторонам мостовой возвышались еще две громадные стелы, густо покрытые письменами, настолько сложными, что Ронин даже не смог сосчитать число граней.

Пройдя между стелами, они увидели слева огромную площадь, поднимающуюся ступенями. Лужи, оставшиеся после сильного дождя, блестели на этих ступенях в лучах заходящего солнца, вспыхивая радужными переливами.

С двух сторон площади, с северной и южной, стояли высокие сооружения без окон, с отвесными стенами на внутренней стороне и с уклоном вперед на обратной. В каждой вертикальной стене была одна-единственная дверь, выходившая на площадь.

– Странно, – заметил Мойши, остановившись перед первой ступенькой и оглядевшись по сторонам. – Этот народ не использует арку. Смотрите, Ронин... Для поддержки высоких зданий они используют перемычки.

Взгляд Ронина скользнул вдоль по улице, уходящей в западном направлении от площади. Перед огромной ступенчатой пирамидой, поднимавшейся впереди на расстоянии примерно в четверть километра, он разглядел три высоких черных силуэта – человеческие фигуры, черты которых нельзя было рассмотреть из-за рассеянного лилово-золотистого света угасающего солнца, что опускалось за тихое море джунглей, подступавших к каменной долине. Он тихонько окликнул Мойши:

– Пойдем.

Они были в масках.

Двое мужчин и женщина. Все – в одинаковых широких накидках из пятнистых шкур, снятых с крупных зверей, головы которых и послужили материалом для масок. Треугольные уши, черные носы и длинные жесткие усы. Холодные мерцающие глаза золотистого или светло-нефритового цвета, прозрачные и безжизненные. Ронин невольно поежился. Что-то было в этих глазах, что отозвалось тревогой в сердце.

Все трое были невероятно высокими, ростом не меньше двух с половиной метров. Длинные мускулистые ноги. Несколько впалая грудь у мужчин. Кожа цвета мореного тика.

Вся одежда мужчин состояла из набедренной повязки из золотистого меха с черными пятнами и сандалий из черной кожи. Руки от запястья до локтя были унизаны обручами-браслетами различной ширины, украшенными чеканными и резными рисунками. Ронин разглядел одну странную сцену, представлявшую нескольких воинов в причудливых головных уборах и одно непонятное многоголовое существо, которое он принял за бога.

Женщина в росте не уступала мужчинам. Великолепная грива иссиня-черных волос, смотревшаяся естественным продолжением ее нелепой кошачьей маски, опускалась почти до пояса. Короткая туника из золотистого меха – от тяжелых грудей до бедер. Красивые длинные ноги безупречной формы. В отличие от мужчин, на ней не было золотых браслетов – только один узкий обруч из розово-белого гагата не более сантиметра шириной, покрытый тонкой кружевной резьбой, сквозь которую просвечивала ее темная медная кожа.

Мужчина слева шагнул вперед.

– Добро пожаловать в Ксич-Чи, великий город Чакмооля.

Из-за клыков в прорези маски его голос звучал как-то странно, словно издалека.

* * *

– Время, – сказал Кабал-Ксиу.

Из двух мужчин он был пониже ростом.

– Вот что заботит нас прежде всего.

Легкий ветерок пошевелил мех на его маске.

– Поэтому наша история записана в камне, над которым не властно течение времени.

Низкие строения с колоннами с северной и южной сторон. На востоке колышутся джунгли – непроходимый зеленый барьер. Ступени величественного акрополя, выходящего фасадом на запад. На той стороне каменной мостовой возвышается еще одна ступенчатая пирамида, примерно в три раза ниже гигантского сооружения в центре каменного города, состоящая из девяти убывающих уступов. На вершине ее – странное удлиненное сооружение на шести массивных столпах, густо покрытых резьбой, а в центре ближайшей к ним стороны – широкие ступени, уводящие вверх.

– Мы ждали... – Кабал-Ксиу сделал паузу, словно подбирая нужные слова. – Мы ждем...

Взглянув на этих троих людей, обезображенных странными масками, Ронин с некоторым беспокойством отметил, что абсурдность сложившейся ситуации никак до него не доходит. В этой троице было нечто пугающее, что не давало сосредоточиться, отгоняя все мысли, кроме тех, что как будто сами приходили в голову в ответ на реплики собеседников.

– Ждете чего? – спросил Мойши. – Конца?

Кошачья маска, покрывавшая голову Кабал-Ксиу, повернулась в его сторону. Лучи заходящего солнца сверкнули отблесками огня у него в глазах.

– О нет.

Полоска алого света скользнула по черным усам и исчезла.

– Конец уже наступил.

Солнце тихо покинуло землю; лазурное с лиловым свечение окутало город. Долина погрузилась в сумеречный свет, словно отраженный от застывшей далекой радуги.

– Сходи за тростником, Кин-Коба, – велел Кабал-Ксиу.

Поднявшись с алебастрового сиденья, женщина направилась через каменную площадь к зданию с северной стороны. Ронин наблюдал за движением ее ягодиц, за плавным покачиванием ее тугих сильных бедер.

Вскоре она вернулась с двумя тростниковыми факелами, горевшими дымным пламенем, и установила их в каменные колонны по обеим сторонам от сидевших.

– Это Чакмооль, – впервые заговорил Уксмаль-Чак, второй мужчина из странной тройки.

Он показал на низкий столик с плоским верхом, вытесанный из камня и стилизованный под кошачью спину. Камень был то ли испачкан красным, то ли имел естественный красноватый оттенок. По бокам его и на «спине» были врезаны зеленые нефритовые кружки, изображавшие пятна на шкуре. На столике стояли чашки из обожженной глины с высушенными зернами маиса и густым белым напитком, пряным и явно крепким.

– Красный Ягуар. Редкий зверь, который все еще рыщет по этой земле. Никто не может сравниться с ним в битве, ни одно существо ни в одном из миров, ибо Чакмооль не знает поражения, пока его полностью не покинет жизнь.

Когда Уксмаль-Чак говорил, его маска слегка покачивалась. На шее побрякивали бусы из нанизанных на несколько нитей зубов, когтей и резных кремней.

– Это свирепый и страшный хищник.

Глаза его были скрыты в глубокой тени.

– Многие верили, что Чакмооль – сверхъестественное существо, способное принимать человеческий облик.

– О нем сложено немало легенд, – ровным голосом заговорила Кин-Коба. – И это вполне объяснимо, ибо нечасто встречался Красный Ягуар человеку.

– И в конце концов стали его почитать богом, – добавил Кабал-Ксиу.

На темной лазури и пурпуре вечернего неба проявились скопления мерцающих звезд, напоминавших сверкание инея, разбросанного по небесной тверди дыханием космоса.

И под этим покровом извечной тьмы раскинулся огромный каменный город – неподвижное, математически выверенное пространство из плоскостей и углов, которое с наступлением темноты – с медленным поворотом небесного колеса – внезапно сделалось гармоничным, поражая человеческое воображение своим холодным и безжалостным расчетом.

Уксмаль-Чак наклонил голову.

– Скажите нам...

– Я думаю, – бесцеремонно прервал его Кабал-Ксиу, – наши гости устали после долгого перехода по джунглям.

Он протянул длинную руку.

– Кин-Коба, позаботься, пожалуйста, чтобы эти люди удобно устроились. А нам с Уксмаль-Чаком надо еще кое-что обсудить.

Через холодное, геометрически правильное пространство акрополя пролетела золотисто-зеленая птица и скрылась в чаще чернеющих джунглей.

Ночь.

Кин-Коба проводила их в узкие комнатухи в здании с северной стороны от акрополя. Единственный тусклый свет попадал сюда из душного коридора – от тростниковых свечей вдоль его голых каменных стен. В обеих каморках прямо на глинобитном полу лежали тонкие соломенные матрасы. Остальное убранство комнат состояло из неглубокой глиняной чаши с водой и ночного горшка в дальнем углу.

Стены комнатухек были покрыты резными фресками. Необычные животные и фантастические воины в головных уборах из перьев, одетые в звериные шкуры, – люди с большими крючковатыми носами и плоскими черепами, продолговатыми глазами и широкими полными губами. Сцены, исполненные в нежно-маисовых, кирпично-красных, темно-зеленых и темно-синих тонах. Похоже, яркий пурпурный цвет здесь был неизвестен. Пурпурным здесь было лишь небо.

Они встали в коридоре.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила Кин-Коба, обращаясь к обоим сразу.

– Пока нет, – ответил Мойши.

– Тогда ладно, – сказала она на прощание.

Они замерли на месте, прислушиваясь к ее удаляющимся шагам.

Ронин подал знак Мойши, и они бесшумно последовали за ней к выходу из здания.

Остановившись в тени у выхода, они наблюдали за тем, как Кин-Коба идет через площадь.

– Хорошо, что мы вышли, – шепнул Мойши. – Мне там дышать было нечем.

– Слишком там пыльно, – заметил Ронин. – Явно уже давно там никто не спал.

Кин-Коба спустилась по ступеням и направилась по широкой белой мостовой к зданию с колоннами на вершине пирамиды с западной стороны.

– Кто эти люди? – спросил Мойши, обращаясь скорее к себе, чем к Ронину.

– Кто бы они ни были, ведут они себя странно. Им, кажется, вовсе не интересно, кто мы и как мы сюда попали.

Мойши кивнул.

– Как будто им все равно.

– А что сказал Кабал-Ксиу?

Кин-Коба добралась до подножия пирамиды и начала подниматься по каменной лестнице на ближней к ним стороне.

– «Мы ждали. Мы ждем».

– Чего ждут? Нас?

– Давай это выясним, – откликнулся Ронин.

Они выступили из тени и пошли следом за Кин-Кобой через темную площадь в сторону ожидающей пирамиды.

– Ответ может быть только один, – проговорил Уксмаль-Чак. – Надо ли напоминать тебе, «брат» мой?

Он не смог скрыть издевку в голосе.

– Не так оно все однозначно, по-моему, – заметил Кабал-Ксиу. – Ошибки быть не должно. Мы...

– Разве ты уже позабыл, что, хотя я сейчас и являюсь командующим маджапанов, когда-то, много катунов тому назад, я был, как и ты, жрецом?

– Как можно забыть о том, что выжжено у тебя в мозгу, Уксмаль-Чак? Я не испытываю симпатии к военным, но я могу понять вашу позицию.

– Мне противна твоя снисходительность, – буркнул Уксмаль-Чак, поворачиваясь к собеседнику спиной.

Между ними, скрестив руки на груди, стояла Кин-Коба и наблюдала за ними с таким выражением, с каким могла бы смотреть невозмутимая ящерица на двух дерущихся петухов – завороченно, но в то же время и отстраненно.

– Наконец-то ты высказался.

Кабал-Ксиу шагнул вперед – от жаровни, от наклонной стены с рельефными иероглифами. С обеих сторон у него за спиной к низкому сводчатому потолку, покрытому копотью от чадящих светильников, поднимались затененные арки.

Уксмаль-Чак резко развернулся, угрожающе вскинув руки. На бедре у него тяжело покачивалось какое-то короткое каменное оружие, непохожее ни на меч, ни на топор.

– Не надо меня поучать. Я изучил Книгу Балама и знаю ее не хуже тебя.

Он показал на покрытую письменами стену за горячей жаровней.

– Там сказано определенно и недвусмысленно, и никто – ни ты, ни кто-либо другой – не может исказить...

– Ты забываешь, «брат» мой, – холодно заметил Кабал-Ксиу, – что других, кроме нас с тобой, нет. Пока.

– О да. Со времен Раскола. С окончания четвертой эпохи. Да, «брат» мой, ты человек благочестивый. С каждым мгновением, с каждым ударом мое сердце болит по маджапанам, которые поклонялись нам, как богам, ибо без них возрождение...

– Прекрати святотатствовать!

Кабал-Ксиу затрясся от ярости. Он сделал еще один шаг вперед на негнущихся ногах. Уксмаль-Чак поднес левую руку к правому бедру и схватился за холодную каменную рукоять. Мышцы его напряглись.

– У вас разве нет других дел? – тихо вмешалась Кин-Коба.

На мгновение они застыли, подобно статуям. Оранжевый свет плясал по темной прохладной коже и рыжеватому меху.

Потом Уксмаль-Чак повернулся к ним спиной и вышел из здания. Его шаги, удаляющиеся вниз по ступеням, далеко разносились во влажном ночном воздухе.

Кабал-Ксиу вздохнул и заметно расслабился.

– Знаешь, возможно, он прав.

– Может быть, – отозвалась Кин-Коба.

Повернувшись к иероглифам на стене, Кабал-Ксиу заговорил, и голос его иногда звучал так, будто он читал древние письма:

– Столько катунов прошло после гибели маджапанов, нашего возлюбленного народа, столько бесплодных катунов, и лишь пророчество Книги Балама держит нас здесь в ожидании – в ожидании катуна, отмеченного новым пришествием Ке-Ацатля.

Он подал знак, и Кин-Коба безмолвно встала рядом с ним, глядя на стену с иероглифами.

– И вот он уже наступает. Катун Ке-Ацатля возвращается в полночь мира, в час, когда воплощается первозданность и начинается эра шестая – время для возвращения маджапанов.

Ронин, застывший в тени одной из арок, знаком велел Мойши следовать за Укмаль-Чаком, а сам остался послушать.

– Он может пойти посмотреть, на месте мы или нет, – шепнул он Мойши на ухо. – Встретимся в твоей комнате попозже.

И он опять повернулся к двоим, стоявшим на свету от горящей жаровни.

– Происхождение маджапанов окутано тайной, – продолжал Кабал-Ксиу. – Они принесли с собой знание и могущество из эпохи, предшествовавшей появлению человека. Потом маджапаны жили в стране, где жара и джунгли; на земле, окруженной бездонным морем, что кишело чудовищными созданиями. От своих могучих богов получили они великие дары и знания, но они были прокляты, ибо явились на свет в конце Старых Времен, а когда подошло время пришествия человека, случились великие потрясения земли, воды и небес.

И жрецы, предсказывавшие катаклизмы, ибо тогда уже существовала великая Книга Балама, пришли к маджапанам, и собрали их на бескрайней равнине у берегов бушующего моря, и принялись уговаривать их строить корабли, говоря так: «Теперь надо вам строить крепкие корабли, дабы плыть через моря, ибо страны, где родились вы, скоро не станет. Если и суждено маджапанам выжить, это будет в иной земле».

И преисполнились маджапаны страха, ибо не были эти люди хорошими моряками и никогда не любили море, и топтались они беспорядочно на берегу, и спорили друг с другом. И тогда сказали им жрецы: «Не бойтесь вы ни высоких волн, ни чудовищ из темных глубин, ибо истинная опасность – здесь. Скоро земля наша станет черной и красной, и извергнет она ядовитый дым с серой, и прольется тогда кровь земли. И расколется твердь на части, и навечно провалится в бездонные недра, и воды сомкнутся над ней, как сцепленные руки».

Так говорили жрецы, и маджапаны послушались их и построили корабли для спасения своего. И взошли они на корабли, взяв с собой только детей и пищу, а остальное имущество бросив. Жрецы же забрали священные свитки свои и ушли, а громадные богатства маджапанов брошенными лежали.

Так маджапаны оставили обреченную землю свою, чьи недра стгорали уже в огне окончания Старых Времен, и жрецы разделили, четверть отправив на север, четверть – на юг, четверть – на восток и четверть – на запад.

Так и случилось, что маджапаны пришли на сей остров – на этот обширный кусок известняка, поднимающийся со дна моря. И здесь основали они Ксич-Чи, город своих праотцев, истинный город.

Только здесь маджапаны не смешались с нарождающейся новой расой людей, наводнивших мир. Только здесь сохранили они чистоту крови. А когда узрели они Чакмооля, они поняли сразу, что это есть воплощение Тцатлипоки.

– И теперь, – выдохнула Кин-Коба, низкий голос которой дрожал в густом воздухе, – в катун Ке-Ацатля, на рассвете эры шестой, первые из маджапанов вернулись в священный свой

город, где этой ночью может случиться великое возрождение. Тцатлипоки придет, дабы снова узреть свой Ксич-Чи.

* * *

Подтеки воды, последние напоминания о ливне, при свете луны превращались в озерца платины. Игра света и тени, в переливах которой, кажется, оживали резные камни. Мистическая история, высеченная на незыблемых гранях. Когда-то великий, сейчас это город мертвых, думал Ронин, бесшумно следуя за Кин-Кобой, которая шла быстрым шагом по улицам в пляшущих зыбких бликах. Наверное, эти трое – жертвы неумолимого времени – сошли с ума от затянувшегося одиночества. И они явно не маджапаны, эти загадочные хранители Ксич-Чи. Какие они, интересно, под своими кошачьими масками, пытался представить Ронин, передвигаясь из тени в тень, вдоль грани каменной пирамиды. Похожи они или нет на фигуры с пиктограмм, запечатленных в архитектуре Ксич-Чи?

Этот город казался видением из сна. Исполинские каменные капители как будто парили в воздухе, выдаваясь из остающихся в тени стен; широкие площади с покатыми стенами зданий, увенчанными зубцами, представляли собой вереницу наклонных плоскостей; пирамиды, сложенные из бесчисленных уступов и густо покрытые резными иероглифами, казались поэтому зыбкими и неустойчивыми.

Кин-Коба скрылась в густой тени, и Ронин потерял ее из виду. Он пошел за ней осмотрительно и бесшумно. Теперь камни были его врагами, поскольку они могли выдать его гулким эхом, не будь он так осторожен. Дорожка, на которую свернула Кин-Коба, проходила мимо трех зданий, вдоль узкого прохода примерно в сотне метров от того места, где встал в тени Ронин.

Мгновение он стоял неподвижно, наблюдая и напряженно прислушиваясь к приглушенным звукам ее шагов. Его окружали безмолвные и отчего-то немного жуткие хроники маджапанов – история в камне, ждущая своего часа.

Осторожно продвигаясь по проходу, Ронин заметил движение. Теперь он засомневался, а не стоит ли вернуться в дом на площади. После недолгих раздумий он все же пошел вперед. Теперь, когда решение было принято, он ускорил шаг.

Вперед по проходу, потом резко влево, в полосу темноты. На какое-то время он как будто ослеп.

Что-то неуловимо преобразилось. Изменился характер самой темноты. Она стала вдруг гуще и как будто просторней. Ронин понял, что отошел от зданий. Однако, подняв голову, он не увидел ни звезд, ни луны.

Впереди снова раздался приглушенный звук шагов. Он двинулся вперед. Там, где сгустилась крошечная тьма, стояли деревья. Глаза Ронина постепенно привыкли к темноте, и он увидел, что идет по краю джунглей, окружающих город.

Несколько раз ему казалось, что впереди что-то мерцает – что-то похожее на отраженный свет, только невысоко, метрах в двух от земли, не больше. Кого или что он преследует? Интуиция подсказывала Ронину, что он потерял Кин-Кобу еще в темном проходе. Тогда почему он здесь?

Джунгли неохотно расступились, и Ронин, замерев в тени, увидел залитую лунным светом просеку. Ничего подозрительного он не услышал. Обычный писк ночных насекомых и тихий шелест деревьев.

Он решительно вышел на середину просеки и зашагал дальше по ней. Потом неожиданно просека сделала поворот, и в бесстрастном свете луны Ронин увидел черно-белое покосившееся сооружение, стоявшее в дальнем конце дорожки.

Оно стояло на невысоких колоннах в виде извивающейся змеи; каждый ее изгиб был как бы частью основания. Изображение змеи Ронин увидел в этом городе впервые. Центральная лестница здания обвалилась в нескольких местах.

В самом здании было двенадцать дверных проемов, и над массивными перемычками каждого виднелось резное изображение все той же змеи, то ли с перьями, то ли с крыльями, развернутыми в полете.

Одну сторону здания полностью затянули растения – неизбежное нашествие джунглей, стремящихся отвоевать пространство, когда-то отнятое у них каменным городом. Зеленый мох на ступенях напоминал запущенный разлохматившийся ковер.

Краем глаза Ронин заметил, как что-то мелькнуло во тьме, и подошел поближе. Опять сверкнуло что-то белое, и теперь он увидел, что перед зданием, в тени раскидистого дерева, стоит какая-то статуя. Когда ветер раздвинул тяжелые ветви, серебристый свет луны упал на голову изваяния.

То есть не на голову, а на верх торса. Головы у статуи не было, как будто кто-то умышленно снес ее с каменных плеч. Сама же фигура возвышалась не меньше чем на шесть с половиной метров.

Это был воин.

В панцире и сапогах, с сильными, мускулистыми руками. На поясе у него висели двое ножен: одни с оружием, другие пустые. Одна рука поднята вверх. Она тоже была испорчена и заканчивалась обломанным запястьем.

По верхушкам деревьев пронесся прохладный ветер. Тихонько попискивали ночные насекомые. И больше ни звука.

Ронин застыл перед статуей в немом изумлении. Он словно услышал какой-то темный, глубинный зов и почувствовал, как в его тело вливается неведомая сила, исходящая от самой просеки, от этих странных каменных сооружений. Что-то в нем нарождалось, зовущее к действию, неодолимое и манящее.

Потом Ронин медленно повернулся и направился в шуршащие, влажные тени джунглей.

Он поднял глаза, чтобы взглянуть на статую в последний раз.

Где-то рядом, у него над головой, развернулись громадные оперенные крылья, и что-то вспорхнуло в прохладную чистую ночь.

За пологом сплетенных ветвей и листья – обширная геометрически правильная равнина, лежащая под перевернутой чашей черных небес. Ее освещала луна в окружении танцующих звезд. На востоке, прочертив небосвод ближе к линии горизонта, неровной дугой изогнулся широкий звездный пояс, густое скопление мерцающих точек. Далеко-далеко был сейчас благоуханный Шаангсей и желтая крепость Камадо, северная цитадель, у стен которой уже бушевал Кай-фен.

Добравшись до здания на северной стороне акрополя, Ронин прилег у себя в комнатухе и закрыл глаза, ожидая возвращения Мойши.

Охваченный непонятной яростью, он идет коридором какого-то ветхого заброшенного здания. Коридоры настолько узки и темны, что ему волей-неволей приходится напряженно всматриваться вперед, чтобы не сбиться и не заплутать. Из-за этого у него нет ни времени, ни возможности заглядывать в дверные проемы, издевательски мелькающие с двух сторон, хотя заглянуть очень хочется. Или не хочется... он и сам не поймет. Но так или иначе он шагает вперед во тьму, и ярость его нарастает, обращаясь необъяснимым и жгучим гневом. Он видит свое отражение в зеркале и, сам испугавшись, отшатывается прочь.

Во мрак дальше по коридору. Он здесь один. Больше нет никого. Двери закончились. Он переходит на бег. Все быстрее и быстрее. Вдоль сплошных стен. Грохот его башмаков разносится эхом, похожим на барабанный бой, на ритм какой-то растянутой потаенной песни.

Это уже полное безрассудство, думает он в темноте. Да пошло оно все к морозу! А ярость так и пылает огнем. Он уже не владеет собой. Это как будто напор судьбы, задевшей его своим кожистым черным крылом. Все быстрее бежит он по узкому коридору.

Дальше и дальше, и все начинает сливаться. У него слегка кружится голова. Вскоре он замечает, что потолок становится ниже. Сгорбившись, как-то неловко согнувшись, он ковыляет вперед. Быстрее.

Он спотыкается, падает посреди черноты. Его руки взлетают над головой, пальцы сами цепляются непонятно за что.

Он висит в воздухе, ухватившись за балку – нижнюю кромку коридора-туннеля-воронки, загибающейся вниз и стремящейся выплюнуть его из себя. Сбросить вниз.

Разгоряченный и потный, он отчаянно пытается удержаться, а под ним уже ждет пространство, разверстое и бездонное.

Из глубины поднимаются грохот и скрежет. Где-то внизу смутно виднеется что-то вроде подмостков. Слишком далеко, чтобы прыгнуть на них. Из-за громадного расстояния они кажутся не шире лезвия меча.

Взрывы, раскатистые и глухие, доносятся снизу, больно ударяя по ушам.

Он смотрит вниз как замороженный, не в силах оторвать взгляда.

А потом появляется некое извивающееся существо. Липкие полупрозрачные щупальца тянутся вверх. Из глубины проступает темный бесформенный силуэт, нависающий над чудовищной тварью. Сгусток тьмы, обволакивающий ее своим телом. Щупальца бьются в агонии. В клубящемся мраке видна содрогающаяся голова. Горят два глаза без век, со зрачками, похожими на зазубренные осколки обсидиана.

Чудовищное лицо начинает как будто мелькать, изменяя черты, стремительно и неуловимо. Пульсация форм – десять тысяч преобразований в единый миг, на исходе которого остается один-единственный глаз, узкий и длинный, как прорезь. Немигающий, злобный взгляд, готовый смахнуть его вниз – замороженного, смятого и беспомощного.

Жар точно крик. Его глаза выжжены. Тело бьется, поджаривается и горит, горит... И жуткая вонь...

– Я услышала, как ты кричал, – сказала она, склоняясь над ним.

Он вперил невидящий взгляд в ее неправдоподобно огромную, покрытую мехом голову, по которой метались нелепые искаженные тени в тусклом мигающем свете от тростниковых факелов, проникающем из коридора в комнату.

Приподнявшись на локте, Ронин отер пот с лица.

– Ты болен?

– Нет, – отозвался он медленно, все еще не придя в себя. – Это был сон. Просто сон.

Его голос звучал низко и хрипло.

– Сон.

– Да.

Кин-Коба опустилась на колени рядом с его соломенным тюфяком.

Взгляд Ронина упал на фреску на стене перед ним. На ней мужчины в головных уборах из перьев бежали навстречу друг другу через правильной формы прямоугольное поле, окаймленное вдоль длинных сторон наклонными каменными стойками, венчающими отвесные стены. Посередине же боковых сторон, на высоте около пяти метров от пола, торчало по резному каменному кольцу.

– Что здесь изображено?

Ее голова с шорохом повернулась.

– Маджапаны играют в священную игру с мячом. С обеих сторон игрового поля поднимались наклонные стойки в виде выпускающего когти Чакмооля.

– Изначально они были земледельцами, – тихо проговорила Кин-Коба. – Маджапаны любили землю. Они знали, как с ней обращаться, и собирали богатые урожаи маиса, бобов и фруктов. Но всегда находились какие-то племена... другие. Свирепые и могучие, с религией, воспевавшей смерть. И поэтому маджапаны были вынуждены стать воинами.

Ронин рассеянно наблюдал за тем, как тусклый свет ласкает ее обнаженное бедро.

– Но и познав боевые искусства, они не хотели воевать. И тогда жрецы изобрели игру в мяч, дабы все споры решались не в битве, а в этой священной игре. Маджапаны соорудили площадки, а враждебные племена, которые объявляли им войну, теперь были вынуждены выставлять команду из своих лучших воинов. Разрешалось набирать по девятнадцать человек с каждой стороны, и они играли в священную игру в мяч плоскими каменными лопатками на каменных площадках, используя сложные ритуальные приемы. Основная задача игры – забросить мяч через каменное кольцо на стороне противника, одновременно мешая команде соперников забросить мяч в кольцо на своей стороне.

Он еще раз взглянул на фреску.

– Значит, войн у вас не было.

– Таков обычай маджапанов.

– И все племена придерживались ваших правил.

– Все боялись...

Она вдруг умолкла, словно поняла, что сболтнула лишнего.

– Боялись чего?

Сейчас Ронин смотрел на ее лицо, наполовину закрытое тенью, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь проблеск эмоций в глазах под маской.

– Бога. Бога, которому мы когда-то поклонялись.

Ее голос звучал сурово и как-то растерянно.

– Но, – продолжала Кин-Коба уже бодрее, – это было давно, в незапамятные времена. Сейчас это уже неважно – ложный бог изгнан с этой земли много катунов тому назад.

Полуразрушенное, заросшее мхом здание. Безголовая статуя. Оперенная змея.

– Лишь Чакмооль правит теперь в Ксич-Чи. Это его жрецы изобрели священную игру в мяч...

– Получается, маджапаны избегали кровопролития, играя в эту игру, – заметил Ронин.

Ее голова дернулась, и свет упал на ее глаза, коричневатые и блестящие, как чистейшие топазы.

– Что тебя навело на такую мысль? – спросила Кин-Коба испуганно и негодуя. – По окончании игры головы игроков проигравшей команды передавались вождям их племен в качестве предостережения. Их дымящимися сердцами удобряли наши поля. Маджапаны были народом практичным.

Ронин приумолк, размышляя над услышанным.

– Ты хочешь сказать, что маджапаны никогда не проигрывали? – спросил он наконец.

– Нет, ни разу.

Ронина вдруг охватило какое-то непонятное чувство. Ему почему-то сделалось грустно. Пытаясь стряхнуть с себя это подавленное состояние, он спросил:

– А что у тебя под маской, Кин-Коба?

Она вскинула тонкие руки. Безмолвный порывистый жест, который был правдивее всяких слов.

– Желает ли ты обладать мной?

Странное она подобрала слово, подумал Ронин.

– Ты хочешь сказать, заняться любовью?

– Если ты хочешь именно этого.

Он протянул руку и провел кончиками пальцев от ее колена по внутренней стороне. Ее глаза сверкнули.

– Но только не в маске.

– Тогда ты ничего не получишь.

Она взяла его руку, отнимая ее от своей ноги. Он ощутил ее тепло, томное и влажное, как джунгли в разморенный полдень. Свободной рукой Кин-Коба провела по его распростертому телу.

– А ты ведь хочешь.

Она поднялась и решительным жестом стянула с него штаны. Потом присела над ним на колени, медленно опускаясь все ниже. Веки ее трепетали. Она прикрыла топазовые глаза. Охнула. Склонилась над ним, и он ощутил жар ее тяжелых грудей и подрагивание живота. Он поднес руку к ее лицу, но она с силой сжала его пальцы и прижала его ладонь себе к груди. Ее бедра сдвинулись вниз.

Тела их сплелись во влажной ночи. Он вошел в нее, вдыхая необычный пряный аромат ее тела, пытаясь представить, как она выглядит на самом деле. Их совокупление напоминало борцовскую схватку двух великих мастеров. Их тела,двигающиеся в такт в нарастающем ритме, блестели от пота и слюны, и у Ронина было такое чувство, будто он снова мчится во тьме по замкнутому переменчивому коридору-туннелю-воронке.

И в тот самый миг, когда она закричала, а тело ее содрогнулось, он почувствовал, как ее безжалостное неистовство накатывает на него зловонным приливом, как он отшатывается в испуге от своего отражения, промелькнувшего в зеркале. Ее ногти впились в его тело, ее сильные бедра крепко сжимали его, скользкое гибкое тело извивалось над ним, ее тяжелые груди покачивались, соски затвердели и заострились.

В глубине его существа, в этой взвихренной круговерти, зарождались какие-то злобные чувства, оглашающие сознание могучим ревом. Он пытался сдержать их, унять, но уже ощущал, что наслаждение, переполнившее его чресла, готово прорваться наружу.

Ее бедра вращались по кругу, ее дыхание стало неровным и чувственным. Подняв руки, он сдавил ее груди. Она застонала и буквально вдавила в него свое тело. А он взялся за маску, приподнял над ее плечами и, даже услышав низкое рычание, пронзительный крик снаружи, посмотрел наверх – за пределы пылающих самоцветов-глаз.

Пронзенный.

Мойши перебирался из тени в тень под звездным небом ночи, не отрывая взгляда от высокой фигуры Уксмаль-Чака, который направился прочь от низкой пирамиды.

Мойши почему-то решил, что он пойдет к исполинской ступенчатой пирамиде к западу от акрополя, но вместо этого Уксмаль-Чак повернул направо, на улицу, уводящую в дальний конец города.

Мерцающий и таинственный город, хранящий знание тысячелетий, широко раскинулся в ночи. Вот он стоит, расстелившийся по равнине, незыблемый, а где-то поблизости нарождается жизнь. Выжидает.

Во всем Ксич-Чи было только одно круглое здание, небольшое и сравнительно скудно украшенное. Именно туда и направлялся Уксмаль-Чак.

Подойдя поближе, Мойши увидел, что это сооружение представляет собой круглую башню высотой метров в сто, установленную на двух террасах, одна над другой. Нижняя, что пошире, вся заросла травой, верхняя была сложена из голого камня. К башне вела лестница. Входных дверей было три, и расположены они были через неравные промежутки.

Притаившись под перемычкой ближайшего портала с изображением жреца в окружении непонятных иероглифов, Мойши внимательно наблюдал за тем, как Уксмаль-Чак поднялся

на два пролета вверх и встал, глядя в ночное небо, перед первым входом в башню, с левой стороны. Какое-то время он стоял неподвижно, а потом поднес к глазу что-то темное.

Мойши тоже взглянул наверх. На какое созвездие он, интересно, смотрит? На Плеяды? На Большую Медведицу? А где огромное созвездие Змеи, которое столько раз доводило его до безопасного порта из морей, не обозначенных на картах?

Уксмаль-Чак еще долго рассматривал небо, затем встрепенулся – найдя, очевидно, ответ на невысказанный вопрос среди далеких, недостижимых звезд, – на мгновение вошел в башню и тут же вышел обратно. Спустившись по лестнице, он пересек покрытую травой террасу, спустился по нижним ступеням и нырнул в тень.

Мойши вышел из своего укрытия и двинулся следом за высокой фигурой.

Уксмаль-Чак привел его к краю джунглей. Повернувшись, Мойши разглядел на западе верхушку громадной ступенчатой пирамиды. Сейчас они шли по какой-то улочке вдоль невысоких строений. Мойши не отставал от Уксмаль-Чака, держась от него на почтительном расстоянии и ориентируясь по тихому скрипу его сандалий.

Вдруг у него на пути возник темный силуэт, появившийся из густых темных зарослей. Прозрачный платиновый свет луны позволил Мойши отчетливо разглядеть темную лоснящуюся кожу густого красного оттенка и яркие желто-зеленые глаза, холодные и твердые, как кремь, светящиеся таинственным внутренним светом. В сыром воздухе мелькнул длинный хвост.

– Чакмооль, – выдохнул Мойши. С утробным урчанием зверь бросился на него, вытянув шею и выпустив когти в прыжке. Мойши невольно вскрикнул и схватился за медную рукоять кинжала. И тут Чакмооль добрался до него.

Широко разинув пасть, ягуар откинул голову и принялся рвать тело Мойши когтями. Загнутые клыки Чакмооля влажно отсвечивали в лунном свете, обильно смоченные слюной и еще чем-то темным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.